

АЗІЯТСКІЙ ТАШКЕНТЪ.

ГЛАВА I.

Мѣстность, на которой находится Ташкентъ.—Отсутствіе рѣкъ въ городѣ и множество арыковъ.—Необходимость орошенія почвы и мусульманскій законъ, вытекающій изъ этой необходимости.—Чирчикъ, какъ главная рѣка, снабжающая водою Ташкентъ.—Начало Чирчика и главные, выведенные изъ него арыки.—Г. Ташкентъ и ворота, находившіяся прежде въ городской стѣнѣ.—Раздѣленіе Ташкента на части.—Обзоръ каждой части съ раздѣленіемъ на махалле.—Число домовъ и жителей.—Арыки, протекающіе по каждой части.—Производительность, медресе и мечети.—Свѣдѣнія о Зенги-ата; его могила и легенда ея постройки.—Торговля, какъ исключительная страсть сартовъ.—Трудность провода арыковъ и способы орошенія, употребляемаго туземцами.—Земли: ихъян-алватъ, мильковья и амлякъ.—Каждогодное раздѣленіе общественныхъ городскихъ земель.

На сплошной возвышенности, начинающейся въ 30 верстахъ отъ Чимкента, находится г. Ташкентъ, расположившійся на волнообразной мѣстности Кураминскаго уѣзда и окруженный съ трехъ сторонъ (сѣверной, западной и южной) садами; съ четвертой-же, восточной, стороны азіятскій Ташкентъ прилегаетъ къ русскому городу, за которымъ тянется поднимающаяся равнина вплоть до гряды *Кендыръ-тау*, идущей на юго-западъ и упирающейся въ р. Сыръ-Дарью, противъ г. Ходжента.

Нигдѣ по близости Ташкента не протекаетъ никакой рѣки *),

*) Ближайшая рѣка—Саларъ, протекаетъ въ 2-хъ верстахъ отъ Ташкента, но берега ея часто круты и она сама слишкомъ мелководна, для орошенія всего города.

а между тѣмъ въ городѣ вы увидите довольно широкіе арыки (каналы), въ которыхъ съ шумомъ и силой течетъ вода, приводя въ движеніе построенныя на нихъ мельницы и толчеи и отдѣляя отъ себя множество мелкихъ арыковъ, покрывающихъ сѣтью все пространство, занятое этимъ городомъ. Все это дѣло труда и рукъ человѣческихъ. Азіятцу нельзя сидѣть сложа руки и ждать, когда пойдетъ дождь и ороситъ его пашни и сады—иначе у него не только все посохнетъ, но и самъ онъ умретъ отъ жажды *). Вотъ причина тому, что по мусульманскому законодательству каждый, кто хочетъ владѣть землей, долженъ ее оросить, иначе она не будетъ считаться за нимъ. Поэтому также всѣ работы по орошенію считаются общественными работами, въ которыхъ должны участвовать всѣ безъ исключенія и только, благодаря этой системѣ, въ безводныхъ азіятскихъ степяхъ встрѣчаются плодородныя оазисы.

Вся вода, орошающая Ташкентъ, берется изъ *Чирчика*, рѣки, вытекающей изъ юго-западныхъ склоновъ хребта *Уртакъ-тау*, подъ именемъ *Чаткала*, и только по соединеніи этой рѣки съ р. *Пскемъ* (въ 75-ти верстахъ отъ Ташкента), Чирчикъ принимаетъ свое названіе и протекая въ 8-ми верстахъ южнѣе города, вливается у г. Чиназа въ Сыръ-дарью. Въ 45-ти верстахъ отъ Ташкента, изъ Чирчика выдѣляется рукавъ, который течетъ подъ именемъ *Захъ-арыка* **) и проходитъ въ 10 верстахъ сѣвернѣе города ***). Другой и самый существенный для города арыкъ *Боссу*, также выведенъ изъ Чирчика въ 31-й верстѣ отъ города; затѣмъ, у Лябзакскихъ воротъ, онъ вступаетъ въ Ташкентъ двумя рукавами и протекаетъ по немъ подъ различными наименованіями.

*) Встрѣчаются, правда, въ Средней Азій посѣвы, орошаемые атмосферною влагою, но это бываетъ въ горныхъ кишлакахъ, гдѣ посѣвы эти орошаются не столько дождемъ, сколько отъ тающихъ въ горахъ снѣговъ, отъ количества которыхъ и зависитъ успѣхъ такихъ посѣвовъ. Эти посѣвы называются *ушири* или *ляльми*.

**) Все протяженіе Захъ-арыка 85 верстъ. Въ 1871 году онъ расчищенъ и продолженъ технологомъ Ульяновымъ по догу *Ташъ-кулакъ* до р. *Келесъ*. Въ верховьяхъ Захъ-арыкъ имѣетъ 11 саж. ширины и 5 четвертей глубины („Туркестанскія Вѣдомости“ 1871 г., № 12).

***) Изъ этого арыка проведено 8 арыковъ, орошающихъ поля Сибзорской части.

ми *). Третій арыкъ выведенъ изъ Чирчика около Ниязбека **) и проходитъ прямо въ русскій городъ, вливаясь въ арыки *Гадраганъ* и затѣмъ развѣтвляясь на мелкія канавы—орошаетъ русскій Ташкентъ. Вотъ три главные арыка, доставляющіе воду полямъ, пашнямъ, садамъ и на всѣ городскія нужды. Затѣмъ, обозначивъ эти главныя арыки, мы вернемся къ самому городу.

Ташкентъ, какъ и всѣ среднеазіатскіе города, окруженъ высокой глиняной стѣной, въ которой имѣлось прежде 12 воротъ (*даруаза*): *Коймасъ, Коканъ, Кашгаръ, Лабзакъ, Тахтапулъ, Кара-сарай, Сауванъ, Кучи-мазаръ, Кукчи, Самаркандъ, Камаланъ* и *Бишъ-агачъ*. Изъ всѣхъ воротъ идутъ въ городъ главныя улицы, отдѣляющія отъ себя множество переулковъ, расходящихся неправильными линіями по всему городу. Въ административномъ отношеніи, Ташкентъ дѣлится на 4 части (*юртъ*), состоявшихъ подъ управленіемъ минъ-башей: *Шайхантауръ, Сибзоръ, Кукчи* и *Бишъ-агачъ*. Эти части мы и разберемъ каждую отдѣльно.

Шайхантаурская часть составляетъ сѣверовосточную часть города. Расположенная на гладкой мѣстности, она дѣлится почти пополамъ глубокимъ оврагомъ, въ которомъ протекаетъ широкій и быстрый арыкъ *Анхоръ*. Другой, главный арыкъ, протекающій по этой части города и носящій названіе *Гадраганъ*, не далеко отъ начала улицы Ташъ-куче вступаетъ въ русскій городъ и разливаясь по немъ мелкими арыками, снабжаетъ его водою. Шайхантаурская часть состоитъ изъ 48 *махалле* (прихода), а именно: *Таджикъ, Кашгаръ, пяти Янги-шахаръ, Селлимъ-мечеть, Илля, Кіотъ, Керіоды, Ташъ-куча, Миръ-ганча, Охче, Занджилікъ, двухъ Каторъ-тура, Тюркъ, Игерчи, Оль-мазаръ, Доомъ-бегі, Курганъ-арнасы, Балянъ-мечеть, Гоукушъ, Шуръ-тепе, Деріотъ, Хадра, Хоузъ-бокъ, Джангохъ, Хишъ-мечеть, Ходжа-рушъ-нойъ, двухъ Охъ-мечеть, Дархонъ, Падаръ-кушъ, Кудукъ-баша, Бодакъ, Шатакъ, Ганишъ-тепа, Орко-куча,*

*) Управленіе г. Ташкентомъ во времена коканскаго владѣнства („Туркест. Вѣдом.“ 1872 г., № 50).

**) Въ 75-ти верстахъ къ востоку отъ Ташкента.

Джаръ-куча, Моголь-куча, Кальтатой, Дивана-бурхъ, Та-нау-баша, Чальмакъ. Иные изъ этихъ махалле, какъ напр. Янги-шахаръ, образовались изъ выселка, который, вслѣдствіе расширенія города слился съ нимъ; но такъ какъ выселокъ этотъ былъ слишкомъ великъ, а по мѣстному обычаю на семейныя празднества: какъ свадьбы, обрѣзаніе и проч., приглашаются всѣ жители того махалле, гдѣ оно происходитъ, то расчетливые сарты раздѣлили его на пять отдѣльныхъ махалле; вслѣдствіе тѣхъ же причинъ явились два Каторъ-тура и Охъ-Мечеть. Населеніе этой части, по свѣдѣніямъ ташкентской организаціонной комиссіи, состоитъ изъ 10194 человекъ, помѣщающихся въ 3030 дворахъ. Въ этой части города насчитываютъ до 60 мечетей и 3 медресе: *Ишанъ-Кули-Лешкаръ-кушибегі, Тахтъ-Такъ, и Дикзеръ*; кромѣ того, имѣется 10 школъ, помѣщающихся при мечетяхъ и вмѣщающихъ 230 учениковъ.

Литейщики чугуновъ, сѣдельники, маслобой и ткачи маты—главные производители этой части города, а въ особенности послѣдніе; число такихъ мастерскихъ въ 1870 г. насчитывали до 567. Здѣсь же тканье маты и получило свое начало отъ диваны Бурха, который первый занялся этимъ производствомъ, отъ него оно уже распространилось далѣе, поэтому, кишлакъ, въ которомъ жилъ дивана Бурхъ и названъ его именемъ.

Изъ земли, принадлежащей этой части города, кромѣ части занятой подъ постройки, самая меньшая часть находится подъ садами (всего 653 танапа *). Значительно болѣе занято подъ пашни (1814 танаповъ) и посѣвы рису (1896 танаповъ).

Сибзорская часть, занимающая сѣверо-западный уголъ города, дѣлится еще на 38 махалле (прихода), а именно: *Кагатъ, Большой, Средній и Малый Тахтапулъ, Чувалачи, Кара-сарай, Яу, Мазаръ-ханъ, Канлы-куча, Дессинъ-куча, Пишта-хаммомъ, Масседузъ, Хатынъ-мечеть, Химъ-купрюкъ, Ходжа-кушачи, Лабзакъ, Рабатъ, Кунлакъ, Ходжа-куча, Яккачубъ, Хазретъ-имамъ, Тыкъ-куче, Шакаръ, Джимъ-куча, Парчабобъ, Батыръ, Ахунъ-гузаръ, Кунджакъ, Тчинчакъ, Кадавотъ, Че-*

*) Танапъ составляетъ 1/6 часть десятины.

ытз-баши, Ходжа-Тарассеконз, Турнау-баши, Большой Сибзорз, Дарбаза-кенз, Шакырз-гузарз, Казы-куча и Агмемз-сеидз. Кроме того, къ этой части города принадлежатъ еще 4 выселка: *Ибраимз-ата*, жители котораго занимаются хлѣбопашествомъ и сѣяніемъ *дженушки* (клевера употребляемаго для корма скота вмѣсто сѣна) *Чало-казакз, Шановодз* и *Кошз-кызылз.* Всѣхъ домовъ, въ Сибзорской части, считается 2,230, съ населеніемъ въ 18,650 человекъ. Арыкъ *Кейкауз* *), отдѣляющійся въ 8-ми верстахъ отъ арыка Боссу и вступающій въ городъ у Тахтапульскихъ воротъ, составляетъ главный арыкъ этой части города. Оросивъ махалле: Большой Тахтапуль, Чувалачи, Кунлакъ и Яу, этотъ арыкъ течетъ въ Кукчинскую часть, откуда у воротъ Кучи мазаръ выходитъ изъ города. На этомъ арыкѣ сосредоточены всѣ мельницы и толчен Сибзора. Прочіе махалле орошаются маленькими канавками, проведенными изъ главнаго Кейкаусскаго арыка и носятъ названія тѣхъ-же махалле, по которымъ они протекаютъ. Принадлежащія-же Сибзору пашни орошаются водой, проведенной, какъ уже было сказано, изъ Захъарыка и Боссу.

Главная производительность этой части города заключается въ сапожномъ мастерствѣ. Выдѣланные жителями Сибзорской части сапоги развозятся даже въ другіе города края. Затѣмъ слѣдуетъ тканье и окрашиванье бумажныхъ матерій; послѣдними двумя производствами жители занимаются съ давнихъ поръ. Самый-же значительный, по своему богатству, классъ жителей — это гуртовщики. Хлѣбопашествомъ занимаются жители всѣхъ четырехъ выселковъ и махалле: Тахтапуль, Чувалачи, Кара-сарай, Яу, Сибзоръ и Казы-куча.

Три медресе (высшее учебное заведеніе): *Беклярз-бекз, Бараконз* и *Кызылз-Курганз*, вмѣщающія въ себѣ до 260 учениковъ, составляютъ почти всю образовательную часть этой части города. Я говорю почти, потому что и здѣсь есть школы (*мехтебз*), помѣщающіяся въ частныхъ домахъ.

*) Арыкъ этотъ названъ именемъ, владѣвшаго Ташкентскимъ округомъ Кейкауса.

Главнѣйшихъ мечетей 10, это: *Одинз-мечеть, Охунз-гузарз, Хатынз-мечеть, Мазарз-ханз, Муймубарекз, Хоноки, Тохтонунз, Реботз, Ходжи-Торосконз* и *Кара-сарай* *)

Кукчинская, западная часть города, состоитъ изъ 31-го махалле: *Гафизз, Гуяки, Куттунз, Купрюкз-баши, Большой и Малый Сауванз, Чакара, Тяпи, Кунжакз, Чагатай, Псякчи, Чикчиманз, Токле-джалобз, Калаланз, Ишкуватз*, два *Лангара, Узганз, Кися-курганз, Хуявонз, Чукчи, Кунчи, Падиханз, Чукурз-кишлакз, Сара-хунданз, Кукчи, Абназарз, Айлишиз, Халимкунз, Дамакз* и *Яны.* Во всѣхъ этихъ махалле считается 2511 домовъ съ 2088 чел. населенія. Эту часть города прорѣзываютъ три главные улицы: Сауванская, Кукчинская и Чагатайская. Главныхъ арыковъ, орошающихъ Кукчинскую часть — 4: *Кейкауз*, вытекающій изъ Сибзорской части, *Захъарыкъ, Кара-камышз* и *Джангаз.* Послѣдній вытекаетъ изъ Кейкауса у Лязакскихъ воротъ и раздѣляетъ городъ на двѣ части.

Мѣстность, на которой расположена эта часть города, довольно волниста, прорѣзана глубокими оврагами и имѣетъ много садовъ, расположенныхъ какъ внутри, такъ и внѣ города. Главная производительность Кукчинской части—это кожевенное производство. Такъ изъ 695 мастерскихъ, въ 1871 году насчитывали собственно кожевенныхъ 341 и сапожныхъ 218. Затѣмъ 6 кирпичныхъ заводовъ, 7 глиняной посуды, толчей и мельницъ 22 и маслобоекъ также 22. Медресе въ этой части города 2 и 34 школы. Мечетей 51 и 18 могилъ, изъ которыхъ одна, *Шейхз-Зенеджинз-бабы*, заслуживаетъ вниманія по своей древности. Шейхз-Зенеджинъ баба выходецъ изъ Багдада и похороненъ здѣсь 400 лѣтъ тому назадъ **).

Бишз-агачская часть, занимающая южный уголъ города, состоитъ изъ 32-хъ махалле: *Яны-Бакханз, Камаланз, Чакарз, Дарханз, Зивакз-хишиз-купрюкз, Баянз-мечеть, Сарпаразз, Чарсу, Ишанз-Гузарз, Самаркандз, Окши, Дарбаза, Зингата, Миллярз, Чунанз-ата, Сузугата, Сары-чапакз, Джил-*

*) Труды Ташкентской организационной комиссія.

**) Тамъ же.

ликъ-мечеть, *Узбекъ*, *Мирза-хазы*, *Гуль-базаръ*, *Кузурманъ*, *Терсъ-арыкъ*, *Кукъ-мечеть*, *Кулыулыкъ*, *Такалыкъ-мазаръ*, *Кара-ташъ*, *Яламкары*, *Мратъ*, *Искеджуа*, *Арпапая* и *Ляйлакъ*. Въ этихъ махалле насчитываютъ до 1,400 домовъ съ 12,450 жителей. Бишъ-агачская часть прорѣзывается тремя главными улицами: Самаркандской, Камаланской и Бишъ-агачской. Изъ арыковъ, орошающихъ эту часть города, вмѣстѣ съ принадлежащими ему садами, главные: *Анхоръ*, выпускающій изъ себя арыки: *Джаты-Германъ*, Большой *Танышаръ*, *Арпапая-арыкъ*, *Кубыръ-арыкъ* и *Аламдаръ*. Самые лучшіе сады и пашни принадлежатъ жителямъ этой части города и это одна изъ причинъ ея малонаселенности, потому что жители, для ближайшаго надзора за своими садами и пашнями, часто выселяются на нихъ. Такимъ образомъ составился выселокъ Катарталъ и кишлакъ Зенгата, куда лѣтъ 150 тому назадъ, начали выселяться бишъ-агачскіе жители *). Кишлакъ этотъ названъ Зенгата или правильнѣе Зенги-ата, потому, что въ немъ находится могила Зенги-ата, уважаемаго въ Средней Азійи святаго, на поклоненіе которому, ежегодно, когда поспѣютъ всѣ фрукты, собираются огромныя толпы народа, даже изъ такихъ значительно отдаленныхъ городовъ, какъ Туркестанъ и Самаркандъ, не говоря уже про Ташкентъ, переселяющійся туда почти весь на все время продолженія этого праздника.

Про самого Зенги-ата имѣется мало свѣдѣній. По преданію, онъ былъ современникъ *Хазрета* **) и настоящее имя его *Ай-ходжа*; но когда родители повесили его на благословеніе Хазрету, то онъ назвалъ Ай-ходжу — Зенги, что значитъ черный, и при этомъ предсказалъ, что *мазаръ* (памятникъ) надъ будущей могилой Зенги выстроится прежде его могильнаго памятника. Въ молодости Зенги былъ пастухомъ, а потомъ проповѣдывалъ коранъ, велъ скромную, воздержную жизнь и постоянно молился въ уединеніи. По словамъ сартовъ онъ исцѣлялъ приходившихъ къ нему больныхъ. Мусульмане причислили его къ своимъ святымъ и при-

*) Трудъ Ташкентской организаціонной комиссіи.

**) Одинъ изъ главныхъ святыхъ. Мечеть съ могилой этого святаго находится въ г. Туркестанѣ и составляетъ святыню Средней Азійи.

бавили къ его имени «Зенги» — слово *ата* (отецъ) *). Это слово имѣетъ два значенія: оно употребляется въ смыслѣ роднаго отца и прибавляется также къ именамъ святыхъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляемъ его мы — русскіе, говоря: иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василія Великаго и проч.

Относительно постройки памятника Зенги-аты между мусульманами Средней Азійи существуетъ слѣдующая легенда. Тимуръ, желая почтить память святаго Хазретъ-ходжи-Ахмета-Есеви, приѣхалъ въ Туркестанъ и велѣлъ строить надъ его могилой памятникъ. Но сколько ни строили, онъ постоянно разрушался до основанія. Вслѣдствіе этого, для разъясненія такого случая, собраны были казіи, муллы и прочій ученый народъ, которые и вспомнили предсказаніе Хазрета, «что хотя онъ умретъ и ранѣе Зенги-ата, но что надгробный памятникъ Зенги будетъ выстроенъ ранѣе, чѣмъ Хазрету». По докладѣ этого предсказанія Тимуръ, онъ велѣлъ стать своему войску отъ Туркестана до могилы Зенги-аты и передавать изъ рукъ въ руки строительные матеріалы разрушеннаго хазретскаго памятника. Когда изъ нихъ былъ сложенъ мазаръ Зенги-ата, приступлено было къ сооруженію памятника Хазрету, который уже болѣе на разрушался и сохранился въ своемъ видѣ до нашего времени **).

Зенги-ата покоится въ высокой четырехъугольной мечети, сложенной изъ жженого кирпича, съ конусообразнымъ куполомъ на верху. Нижняя часть какъ наружной такъ и внутреннихъ стѣнъ выложена голубыми израсцами, по бокамъ входной ниши идутъ вверхъ изразцовыя же разноцвѣтныя украшенія, мѣстами уже обвалившіяся и замазанныя просто гипсомъ. Нижняя часть купола украшена тремя поясами изъ голубыхъ же изразцовъ. Стѣны ниши покрыты пятнами отъ сплывъ постоянно сидящихъ тутъ дервишей и другихъ богомольцевъ, измазаны руками и испещрены надписями. Низкая дверь ведетъ во внутренность перваго отдѣленія (молельни) — темнаго, съ выбѣленными когда-то, но теперь совершенно грязными стѣнами, нижняя часть которыхъ, сохранила однако свой цвѣтъ благодаря голубымъ израсцамъ, которыми онѣ

*) Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34.

**) Тамъ же.

выложены. Узкая, одностворчатая дверь, пробитая въ юго-западной стѣнѣ, ведетъ изъ этого отдѣленія въ другое, болѣе свѣтлое, гдѣ находится гробница святаго. Прислоненный къ стѣнѣ, у самой двери, бунчукъ, даетъ знать, что за ней покоится прахъ чело-вѣка, память о которомъ чтится между мусульманами. Самая дверь постоянно заперта и ключъ находится у казія.

Второе отдѣленіе, помѣщающееся подъ куполомъ, значительно менѣе перваго. Оно снабжено нѣсколькими узкими окнами, безъ стеколъ, съ одной рѣзной рѣшеткой и раздѣлено пополамъ завѣсой изъ какой-то матеріи, за которой находится самая гробница, обычной азіятской постройки, съ квадратнымъ кирпичнымъ пьедесталомъ и такимъ же съуживающимся вверху, острымъ ребромъ, возвышеніемъ. Вся гробница покрыта различными матеріями (приношенія усердствующихъ), кругомъ стоятъ нѣсколько бунчуковъ съ конскими хвостами, а на краю гробницы положено нѣсколько книгъ корана. Стѣны этой усыпальницы закончены отъ зажигаемой, по временамъ, желѣзной о четырехъ свѣтильникахъ лампы, принадлежавшей святому и находящейся тутъ же при гробѣ. Въ противоположномъ углу виситъ мотокъ съ нитками, которыя правобѣрные навязываютъ себѣ на шею, въ память поклоненія святому.

Мазаръ Зенги-ата занимаетъ югозападный уголъ двора. На западной сторонѣ помѣщается открытая мечеть, представляющая изъ себя простой навесъ, а по остальнымъ сторонамъ двора, вплоть до воротъ расположено одноэтажное медресе.

Къ этой-то могилѣ и собираются ежегодно мусульмане на праздникъ *арсолъ* (новый годъ), кто для поклоненія, а кто просто повеселиться, такъ какъ къ этому времени переселяется въ Зенги-ата бездна торговцевъ и содержателей чай-хане. Все селеніе обращается тогда въ одинъ огромный базаръ, а дорога до того портится прогоняемымъ скотомъ и нагруженными арбами, что подъ конецъ становится даже трудно-проходимой. Этотъ праздникъ много напоминаетъ наши кладбищенскіе праздники. Правда, что вы не услышите у насъ музыку и не увидите пляски бачей, но за то на зенгиатинской *томашѣ* вы не встрѣтите такого количества пьяныхъ, какое составляетъ почти половину посѣтителей на нашихъ кладбищахъ во время праздника, а это стоитъ одно другаго.

Но мы слишкомъ уже отклонились отъ описываемой нами Бишъ-агачской части г. Ташкента. Обратимся опять въ ней.

Главная производительность этой части города—кирпичное производство, принадлежавшее прежде исключительно Бишъ-агачу. Въ этой части 3 медресе, 16 домовыхъ школъ и 68 мечетей.

Изъ приведеннаго обзора каждой части города видно, что жители группируются по частямъ, сообразно своимъ производствамъ. Конечно, въ каждой *юртѣ* можно встрѣтить и другія производства, какъ кузнечное, сапожное, мельницы и т. п., но это обуславливается обширностію города и иначе и быть не можетъ; при томъ громадномъ пространствѣ, какое занимаетъ Ташкентъ, многіе изъ жителей во всю жизнь не успѣваютъ узнать всѣхъ его закоулковъ.

Исключительная страсть сартовъ это торговля. Здѣсь онъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ; всетаки онъ считаетъ себя *саудагаромъ* (купецъ)*, а не простой *бухара* (простолюдинъ). Кромѣ того, не говоря уже про то, что такой способъ добывать себѣ деньги гораздо покойнѣе, это можно объяснить еще той низкой заработной платой, какую получали *мардыкеры* (рабочіе) во время коканскаго владычества. Только теперь плата за дневную работу мардыкеру дошла до 25—35 коп., до прихода же русскихъ они получали 15 к. за цѣлый день работы. Очень естественно стремленіе каждаго сарта вырваться изъ этого положенія и вотъ онъ при первой возможности бросаетъ поденную работу и заводитъ лавочку (*бакалле*). Это занятіе, кромѣ большаго спокойствія, значительно болѣе и окунается.

Вначалѣ, упоминая объ ирригаціи Ташкента я говорилъ, что туземцамъ нельзя сидѣть сложа руки да ждать, когда Богъ пошлетъ дождь на ихъ пашни. Они и не сидятъ. Посмотрите на ихъ водяныя сооруженія и васъ поразитъ та громадность труда и изобрѣтательности, какую нужно было употребить, чтобы оросить извѣстное пространство земли. Среднеазіатца не остановитъ то обстоятельство, что вода течетъ слишкомъ низко между высокими берегами; чигириями подниметъ онъ воду изъ глубокихъ береговъ и пуститъ ее на свое поле. Иной разъ бываетъ, что рѣка, изъ которой надо провести

*) Собственно саудагаръ значитъ оптовый торговецъ.

воду, течетъ въ глубокой трещинѣ какой-нибудь возвышенности, да еще въ берегахъ твердаго грунта; — азіятецъ и тутъ не остановится и не оставитъ своего участка не орошеннымъ. Рыть простую канаву и глубоко и неудобно по твердости грунта и вотъ онъ придумалъ иной способъ. Туземецъ роетъ нѣсколько колодезь, въ известномъ разстояніи одинъ отъ другаго и по тому направлению, какое долженъ имѣть предполагаемый арыкъ. Эти колодцы онъ соединяетъ тунелями, пробивая ихъ отъ одного колодца къ другому и такимъ образомъ выводитъ воду наружу, гдѣ и пускаетъ ее по обыкновенной канавѣ. Конечно, этотъ способъ можетъ быть примѣненъ тамъ, гдѣ мѣстность представляетъ покатость, склоняющуюся къ тому мѣсту, которое долженъ орошать предполагаемый арыкъ. Встрѣчается на пути арыка каменистая скала, то если она не слишкомъ широка, азіятецъ пробиваетъ ее тунелемъ, если же тунель долженъ быть слишкомъ длиненъ и поэтому встрѣчается затрудненіе въ выволочкѣ камня и вентиляціи, то рабочіе, по мѣрѣ удлиненія тунеля, пробиваютъ въ стѣнѣ выходящей къ сторонѣ обрыва, окна, черезъ которыя и выбрасываютъ накопанный грунтъ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ вентилируютъ тунель *).

Конечно, всякое проведеніе воды, а тѣмъ болѣе въ маловодной Средней-Азій, сопряжено съ трудомъ и потому-то въ Ташкентѣ, во время коканскаго владычества, земля принадлежала тому, кто ее ороситъ и тѣмъ сдѣлаетъ плодородною. Такія земли назывались *ихъян-алватъ* и должны были быть удалены отъ жилья на потерю человѣческаго голоса. Но какъ только владѣлецъ земли переставалъ ее обрабатывать, она опять считалась, какъ и всѣ пустыри, государственной землей. Государственныя земли жаловались иногда за заслуги въ вѣчное потомственное владѣніе, но опять съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ, кому онѣ пожалованы — ихъ обработалъ **). Такія земли назывались *мильковымъ*, т. е. не платящими податей и образовались изъ покоренныхъ земель ***).

*) «Турк. Вѣд.» 1873 г. № 48 и 49 и 1874 г. № 26.

***) Управление Ташкентомъ во времена коканскаго владычества.

****) Такія земли поступали обыкновенно или въ раздѣлъ побѣдителямъ, или же въ *вакуфъ*, т. е. на содержаніе богоугодныхъ учреждений.

Дарственный актъ на такого рода землю долженъ былъ быть сирѣпленъ печатью эмира, а копія съ него хранилась въ государственномъ казначействѣ. Кромѣ того получившій милкъ долженъ имѣть свидѣтельство о законномъ владѣніи за печатью *кази-ке-ляна* *). Мильковыя земли состоятъ въ полномъ распоряженіи владѣльца и могутъ быть продаваемы, переданы въ наслѣдство или по дарственной записи, или же быть назначены въ *вакуфъ*.

Общественныя городскія земли, при коканскомъ владычествѣ, дѣлились ежегодно между всѣми жителями, желавшими заняться земледѣліемъ. Для этого весной аксакалы оповѣщали жителей, чтобы всѣ желающіе получить пашню, прислали бы свои *коши* (пару воловъ запряженныхъ въ соху, съ рабочими и необходимыми ручными орудіями), въ назначенный день и мѣсто, такъ какъ условіемъ участія въ дѣлежѣ пашень, было поставлено обязанностью участвовать въ очисткѣ главнаго арыка и проведеніи на назначенный къ дѣлежу участокъ земли ирригаціонныхъ канавокъ. Послѣ того дѣлили участокъ на столько частей (*чакъ*), сколько было прислано кошей и тотъ, кто выслалъ два или три коша, получалъ соответствующее число частей земли. Такимъ образомъ каждый получалъ земли столько, сколько онъ былъ въ состояніи обработать **).

*) Казы-келянъ — главный судья, разбиравшій также дѣла по важнымъ преступленіямъ. Онъ же экзаменовалъ, въ званіи шаріата, желавшихъ получить званіе *муфтіи* или *улема* (ученаго).

***) Управление Ташкентомъ во время коканскаго владычества.

ГЛАВА II.

Сарты; ихъ происхождение, нарѣчіе, одежда и обувь.—Пища сартовъ и ея раздѣленіе на чистую и не чистую.—Чай, какъ главное питье сартовъ.—Напитки употребляемые сартами: буза и кокнаръ; ихъ вредъ для здоровья.—Табакъ и наши; ихъ употребленіе.—Сартовскія лакомства.—Праздники.—Чай-хане и опійныя лавочки.—Бачи служащія при чай-хане.—Дома сартовъ и ихъ постройка.—Вредныя насѣкомыя и паразиты.—Ришта и туземный способъ леченія болѣзни, производимой ею.—Сартовская болѣзнь и проказа.—Отдѣленіе отъ жителей проказевыхъ и сосредоточеніе ихъ въ одномъ кышлакѣ.—Туземные врачи и способы леченія ими внутреннихъ болѣзней.

Господствующее населеніе Ташкента—сарты, происшедшіе отъ кореннаго населенія Средней-Азіи таджиковъ и пришедшихъ, впоследствии, съ сѣвера узбековъ. Нарѣчіе сартовъ состоитъ изъ тюркскихъ или узбекскихъ словъ съ примѣсью персидскихъ и арабскихъ *). Обычная одежда сартовъ—это халатъ (*тунъ*) опоясанный поясомъ или же по большей части просто кускомъ матеріи, на который накручивается платокъ; ширина такого пояса у зажиточныхъ сартовъ бываетъ до $\frac{1}{4}$ аршина и болѣе. Поверхъ этого халата болѣе зажиточные сарты надѣваютъ другой, который уже не опоясываютъ. На головѣ кромѣ тибетейки (*тюпнѣ*) большинство носитъ чалму, чаще всего изъ бѣлой кисеи; только прѣзжіе, какъ напр. жители Ура-тюбе, носятъ красныя, сѣрыя и вообще цвѣтныя чалмы. Ноги сарты обуваютъ въ мягкіе сапоги безъ каблучковъ (*масы*), сверхъ которыхъ надѣваютъ *кауши* (галуши), болѣею частію зеленаго цвѣта, сшитыя изъ особымъ способомъ выдѣланной конской шкуры (*сауръ*). Кауши дѣлаются съ каблучками и остроконечными передними концами, нѣсколько загнутыми вверху и оканчивающимися небольшимъ ремешкомъ. Эти-то кауши и снимаютъ мусульмане при входѣ въ мечеть и вообще въ комнату. Рубашекъ сарты не носятъ за исключеніемъ муллъ, которые шьютъ ихъ съ застежками на плечахъ; такія рубашки называются *куйлокъ* **). Всѣ прочіе сарты носятъ вмѣсто нихъ бѣлые халаты, длиною немного ниже колѣнъ, съ одной завязкой подъ локтевой. Лѣтомъ такой халатъ замѣняетъ сартамъ тунъ и

*) Турк. Вѣд. 1871 № 10.

**) Турк. Вѣд. 1873 г. № 24.

тогда его опоясываютъ поясомъ, къ которому привѣшиваютъ: огниво, кошелекъ, ножикъ въ кожаныхъ ножнахъ, точилку и мѣдный футляръ для деревянныхъ зубочистокъ.

Пища сартовъ состоитъ изъ *шурпы* (бульонъ изъ баранины приправленный стручковымъ перцемъ и кислымъ молокомъ); *каурдака* (варѣзанная небольшими кусочками баранина и обжаренная въ курдючномъ салѣ вмѣстѣ съ кусками лепешки и выпускными янцами), *манте* — пильмени, *сомса* и *гошъ-кульды*, пирожки; послѣдніе изъ нихъ круглые въ родѣ булочекъ, *кебаба*—шишлыкъ и *полау*—пловъ. Послѣднее блюдо особенно любимо средне-азиатцами и только его они называютъ *амъ* (кушанье). Приготавливается полау слѣдующимъ образомъ: въ растопленномъ въ котлѣ курдючномъ салѣ жарятъ баранину, варѣзанную небольшими кусками, вмѣстѣ съ тонко нашинкованною морковью (*сауза*) и лукомъ (*мѣсъ*); затѣмъ кладутъ въ котель вымытый и обсушенный рисъ (*бринчъ*), солятъ, сыпятъ перцу, иные кладутъ еще изюмъ, доливаютъ до верха водой и варятъ до тѣхъ поръ, пока рисъ не выступитъ изъ воды, послѣ чего обравнявъ его горкой и сдѣлавъ лучинкой въ немъ отверстія, закрываютъ котель какой-нибудь глиняной чашкой, которую обкладываютъ вокругъ полотенцемъ, чтобы не проходилъ паръ и рисъ не сдѣлался бы жесткимъ, и, уменьшивъ, огонь оставляютъ прѣть, почти на однихъ горячихъ угольяхъ. Рисъ не долженъ свариваться въ комки какъ каша, но отдѣляться каждое зерно. Сарты ѣдятъ полау съ тонко-нашинкованной рѣдкой (*трутъ*), а иные прибавляютъ вмѣсто нея гранатового или вишневого сока. Не всѣ однако сарты питаются при веденныхъ выше кушаньями; только зажиточные варятъ у себя ежедневно полау или другое блюдо. Большинство же довольствуется лепешками (*монъ*), а лѣтомъ дыней и другими плодами; только по пятницамъ и въ годовые или семейныя праздники, они варятъ у себя *каурдакъ*, *полау*, или другія блюда.

Насчетъ пищи иногда у сартовъ является сомнѣніе, не осквернена-ли она чѣмъ нибудь нечистымъ и годна-ли вслѣдствіе того къ употребленію. Такое сомнѣніе разрѣшаетъ *муфтій* *), который

*) Муфтій, это нѣчто въ родѣ секретари при казіи (судьѣ). Въ прежнее время онъ писалъ договоры, составлялъ просьбы и писалъ рѣшенія казіи. Всѣ

и опредѣляетъ какая это пища: *харямъ* (нечистая) или *халлямъ* (чистая)*).

Самый употребительный и любимый напитокъ сартовъ — это зеленый чай; онъ составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго угощенія. Затѣмъ, изъ одуряющихъ напитковъ сарты употребляютъ *бузу*, для чего сначала мочатъ просо трое сутокъ въ теплой водѣ, послѣ чего, сливъ воду, пересыпаютъ просо въ котелъ и, прибавивъ бараньяго сала, развариваютъ до того, что образуется густая масса. Остудивъ, выкладываютъ эту кашу въ глиняныя корчаги, пересыпая мукою изъ проросшаго проса, а на утро, когда буза начнетъ шипѣть, ее мнутъ руками, послѣ чего разбавляютъ двойнымъ количествомъ воды — и буза готова къ употребленію**). Второй одуряющій напитокъ составляетъ *кокнаръ*, приготовляющійся изъ головокъ мака***). Этотъ напитокъ особенно вредно дѣйствуетъ на здоровье, такъ что, пристрастившійся къ кокнару, сартъ черезъ годъ дѣлается уже блѣднымъ, трясущимся и ни къ чему не способнымъ человѣкомъ. Любители кокнара пьютъ его обильно, по стакану, три раза въ день: рано утромъ, въ полдень и вечеромъ. Въ этомъ пристрастіи къ одуряющимъ напиткамъ высказывается желаніе правовѣрныхъ обойти коранъ, но такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Упомянувъ въ коранѣ о запрещеніи употреблять мусульманамъ вино, Магометъ имѣлъ въ виду сдѣлать ихъ народомъ трезвымъ, и вотъ мусульмане, исполняя буквально слова корана и чуждаясь вина, изобрѣли себѣ гораздо вреднѣйшіе напитки, какъ буза и кокнаръ.

Табакъ сарты употребляютъ въ двухъ видахъ: курятъ его въ мѣстномъ кальянѣ (*чилима*), сдѣланномъ изъ грушевидной тыквы, въ которую наливается вода; въ верхнюю, узкую часть тыквы вставляется трубка, а съ боку придѣланъ короткій чубукъ. Въ

просьбы, рѣшенія и акты скрѣплялись печатью муфтія. Когда къ нему являлся истецъ, то муфтій долженъ былъ распросить его подробно и затѣмъ, если въ словахъ просителя не замѣчалось противорѣчій или лжи, то изложить просьбу письменно; въ противномъ же случаѣ отказать писать прошеніе. (Управление Ташкентомъ во время коканскаго владѣтельства).

*) Тамъ-же.

***) «Туркест. Вѣд.» 1873 г. № 24.

***) Макъ по-сартовски — кокнаръ.

молотомъ же видѣ сарты кладутъ табакъ за щеку. При куреніи туземцы иногда примѣшиваютъ къ табаку *наши* (одуряющее вещество въ родѣ опиума), который готовится изъ остатковъ шелухи конопляныхъ сѣмянъ, полученныхъ при обмолотѣ конопли (*банга*). Тухлу эту протираютъ и просѣиваютъ сквозь густое сито и полученную такимъ способомъ муку всыпаютъ въ котелъ и ставятъ на огонь, поджаривая ее въ теченіи часа и помѣшивая по временамъ деревянной палочкой. Когда мука сдѣлается маслянистой, ее всыпаютъ въ деревянную ступку и начинаютъ толочь. Толкутъ перемѣняясь 3—4 человѣка по истеченіи двухъ часовъ такого непрерывнаго толченія, мука обращается въ вязкую желтоватую массу. Тогда въ нее вливаютъ зыгириаго^{°)} или кунжутнаго масла, послѣ чего опять толкутъ до обращенія муки въ тѣсто, темнозеленаго цвѣта и тогда наши готово.

Лакомство сартовъ, кромѣ плодовъ, состоитъ еще изъ кусковъ сахара, подающагося непремѣнно къ каждому угощенію (*достарханъ*), личныхъ бѣлковъ, сбитыхъ съ сахаромъ, извѣстной хорошо Петербургу, халвы, обсахаренныхъ фисташекъ (*руста*) небольшихъ сахарныхъ колечекъ (*парварда*), мелкихъ шариковъ (*богарсакъ*), испеченныхъ изъ тѣста, смѣшаннаго со шкварками, оставшимися отъ сала послѣ полау, леденцовъ и проч.

Большихъ праздниковъ у сартовъ всего три, это новый годъ (*арсолъ*), *Руза-хаитъ* или *Руза-саилъ* и *Курбанъ-хаитъ*. Кромѣ того сарты празднуютъ каждую пятницу (*джума*). Праздники эти, кромѣ джума, переходящіе и въ 1875 году, начало Курбанъ-хаита пришлось 5 января, а Руза-саилъ 22-го октября^{°)}.

Какъ ни мало у сартовъ праздниковъ, но увеселеній у нихъ еще меньше. Сюда относятся: пляска бачей, бои перепеловъ и куронатовъ, скачка (*байга*) и скачка съ козломъ, конечно зарѣзаннымъ и перекинутымъ черезъ сѣдло, причемъ всѣ участвующіе стараются вырвать его себѣ; эта скачка называется *кулогъ*. Пер-

*) *Зыгиръ* — ленъ. Такъ какъ одно конопляное сѣмя даетъ мало масла, то туземцы прибавляютъ туда льняное сѣмя, и потому такое масло называется зыгирнымъ.

**) При опредѣленіи праздниковъ и постовъ, ташкентскіе казіи придерживаются не календаря, а показанія лицъ, видѣвшихъ рожденіе луны. *

вое увеселение будетъ описано мною ниже, что же касается до боя перепеловъ и куропатокъ, то они происходятъ весной въ саду Шайхантаура, куда каждую пятницу, съ 7 часовъ утра, собираются любители. Во время боя окружающіе держатъ пари и такимъ образомъ владѣтель хорошаго бойца-куропатки зарабатываетъ порядочныя деньги. Но не это собственно привлекаетъ сартовъ держать бойцовъ-птицъ, страсть играетъ тутъ главную роль; я знаю сартовъ, у которыхъ были такіе извѣстные бойцы-куропатки, что никто не хотѣлъ даже конѣйки ставить противъ ихъ птицъ и, не смотря на то, они каждую пятницу являлись на состязаніе. Они говорили, что это такъ хорошо, что кто видѣлъ разъ бой перепеловъ, тотъ и домъ и лавку, все броситъ и пойдетъ опять смотрѣть. За хорошаго бойца куропатку сарты платятъ по 8 руб. и болѣе.

Всѣ трактиры и прочія публичныя заведенія сартовъ заключаются въ чай-хане и опійныхъ лавочкахъ (*кукнаръ-хане*). Въ первый родъ заведеній собираются сарты поболтать, покурить, выпить чаю, а вечеромъ послушать какого нибудь пѣвца или музыки; почти при каждой чай-хане находится *бача*, поклонники котораго и составляютъ постоянныхъ посѣтителей той или другой чай-хане. Чай-хане ничто иное, какъ довольно просторная, пустая лавка, съ очагомъ у входа, на которомъ грѣются *кумганы* *) съ чаемъ, а около помѣщаются подносы, чашки и неизбѣжная принадлежность каждой чай-хане—чилимы. Полъ чайной лавочки устланъ коврами, а стѣны и потолокъ расписаны азійскими узорами, состоящими изъ сочетанія самыхъ яркихъ красокъ и не лишеныхъ нѣкоторой своеобразной красоты. Вечеромъ вся чай-хане освѣщается стеклянными и бумажными фонарями и тогда-то собственно и собираются въ ней ея завсегдатаи. Подойдетъ такой посѣтитель къ порогу, сниметъ свои цвѣтные калоши и, держа ихъ въ рукѣ, направляется къ своему мѣсту. Мало-по-малу собирается нѣсколько кружковъ, болтающихъ между собой и изрѣдка требующихъ чая, сартовъ. Смѣтливый хозяинъ чай-хане, видя, что его гости пробавляются одними разговорами, за которые онъ съ нихъ ничего не получитъ, сейчасъ же высылаетъ къ нимъ своего бачу.

*) Мѣдный, часто высеребранный кувшинъ съ вычеканенными на немъ узорами. Въ этихъ кумганахъ подаютъ обыкновенно чай.

Лѣнивой походкой, мелкими шагами входитъ, всегда въ такихъ случаяхъ хорошенькій мальчикъ и направляется къ болѣе знакомымъ посѣтителямъ. Какъ только подошелъ бача, тотчасъ же весь кружокъ встаетъ и сарты, согнувшись и держа руки на животѣ, привѣтствуютъ его. Онъ садится и жестомъ приглашаетъ другихъ послѣдовать его примѣру. Взоры всего кружка обращаются на бачу. Принесли чай и бача, наливъ чашку и отпивъ изъ нея глотокъ, передаетъ кому нибудь изъ присутствующихъ. Осчастливленный такимъ вниманіемъ сартъ, съ сверкающимъ отъ радости взоромъ, выпиваетъ ее и со словомъ «*куллукъ-таксыръ*» *) передаетъ опять бачѣ. Иногда бача подшучиваетъ надъ окружающими и призвавъ кого нибудь подаетъ чашку, но какъ только тотъ прибѣжавъ протянетъ за нею руки, онъ быстро передаетъ ее другому. Подобный маневръ возбуждаетъ неумолкаемый смѣхъ надъ обманутымъ, а тотъ съ покорностію ждетъ, когда смилуется бача и, отпивъ, подастъ ему чашку чая.

При появленіи бачи, чаще начинаютъ обносить чилимы и всегда первому подаютъ ему. Онъ пренеправно затягивается чилимомъ и, сплюнувъ, велитъ подавать другимъ. Послѣ того, какъ бача подержалъ во рту чилимы, рѣдко кто откажется затулиться изъ того же чубука. Между тѣмъ, бача не сидитъ долго на одномъ мѣстѣ. Онъ хорошо сознаетъ свою обязанность и бокетничая съ посѣтителями, переходитъ отъ одного кружка къ другому, требуя вездѣ достарханъ и чай и угощаетъ этимъ свой кружокъ, а его поклонники, осчастливленные такимъ вниманіемъ, щедро платятъ за все потребованное бачею. Маленькій хитрецъ зорко слѣдитъ за присутствующими и какъ только замѣчаетъ гдѣ нибудь ничего не требующихъ посѣтителей, тотчасъ направляется въ тотъ уголь и вслѣдъ за этимъ раздаются требованіе чая.

Устройство опійныхъ лавочекъ то же, что и чай-хане, только вмѣсто ковровъ, полъ устланъ, по большей части, кошмами (войлокомъ) и *барданами* (циновками), а кругомъ грязныхъ стѣнъ сидятъ на корточкахъ, накурившіеся до одуренія наши, сарты. По-

*) Кулдукъ—значитъ благодарю, таксыръ—повелитель. Этимъ титуломъ не величаютъ бачей только ханы и самые важныя сановники; всѣ же прочіе смертные говорятъ бачѣ „таксыръ“ и рассказывая про него говорятъ, не иначе какъ: они мнѣ сказали, я имъ подаль.

добныя лавочки скрываются всегда по разным закоулкамъ города вмѣстѣ съ притонами нищихъ, *календеръ-хане* и разныхъ бродягъ.

Дома сарты строятъ большею частію въ одинъ этажъ, безъ фундамента и цоколя. Если и встрѣчаются двухъ-этажные, то второй этажъ состоитъ изъ крытой террасы (*балъ-хане*), или же тамъ находится складъ для сушки плодовъ и овощей. Самая постройка производится слѣдующимъ образомъ. Передъ началомъ ея дѣлаютъ деревянный остовъ изъ вертикальныхъ стоекъ и распорокъ между верхними и нижними обвязками. Потомъ начинаютъ складывать стѣну изъ глиняныхъ комковъ; стѣны эти бывають очень тонки, не толще 6 вершковъ. Затѣмъ, накладываютъ балки въ разстояніи 12 вершковъ одна отъ другой, промежутки же между балками закладываются палочками, на которыя накладывается камышъ. Остается только смазать, нѣсколько разъ, этотъ камышъ глиной, смѣшанной съ мелкой соломой и домъ готовъ. Окна продѣлываются большею частію во внутрь двора и забираются деревянными палочками, на манеръ арестантскихъ рѣшетокъ, или заклеиваются насаленной бумагой. Они дѣлаются въ стѣнѣ довольно высоко и чрезвычайно малы, не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина въ поперечникѣ. Оконъ со стеклами еще мало, да и эти окна появились только съ приходомъ русскихъ. Зажиточные сарты устраиваютъ въ восточной сторонѣ двора навѣсъ, поддерживаемый деревянными столбами, украшенными рѣзной работой. Въ такихъ домахъ обыкновенно стѣны выштукатурены алебастромъ съ лѣпными украшеніями, которыя сарты дѣлаютъ очень хорошо. Богатые, кромѣ того, раскрашиваютъ потолокъ яркими красками, въ узоръ и дѣлаютъ окна, если не со стеклами, то, по крайней мѣрѣ, съ деревянными или гипсовыми, узорчатыми рѣшетками. Полы въ домахъ вездѣ каменные и выстилаются жженымъ кирпичемъ, плоской, квадратной формы.

Въ сартовскихъ домахъ и старыхъ глиняныхъ заборахъ, имѣющихъ всегда много щелей, водятся часто фаланги и скорпионы (*gizang*). Фаланги—это паукообразное насѣкомое, съ длиннымъ желтоватымъ, покрытымъ рѣдкимъ пухомъ, тѣломъ имѣющее у рта четыре острыхъ жала. Она не нападаетъ сама на человѣка, но если ее раздражить, то прыгаетъ на него и въ это время жа-

лить. Укушеніе ея, говорятъ, смертельно, но я не слыхалъ еще ни одного подобнаго случая. Скорпионовъ я не стану описывать, такъ какъ они всемъ хорошо извѣстны. Они встрѣчаются чаще фалангъ, но укушеніе ихъ вовсе не смертельно, какъ привыкли думать о томъ въ Россіи: достаточно помазать укушенное мѣсто деревяннымъ масломъ, чтобы опухоль опала въ тотъ же день. Есть въ Ташкентѣ гораздо болѣе, если не опасный, то тѣмъ не менѣе несносный врагъ—это мошка жигалка (*stomoxis calcitrans*); маленькое, едва видное простымъ глазомъ, крылатое насѣкомое, появляющееся во множествѣ въ маѣ мѣсяцѣ и держащееся до іюля. Отъ него вы нигдѣ не спасетесь, оно проберется въ малѣйшія складки и искусаетъ вамъ руки и ноги, а подъ часъ и лицо; да такъ искусаетъ, что въ продолженіе всего времени, пока живутъ мошки, у васъ не переставая будутъ чесаться искусанныя части тѣла. Иныхъ счастливыхъ мошка не кусаетъ, или же укушеніе не производитъ на нихъ никакого дѣйствія, но зато большинство постоянно страдаетъ отъ ихъ злобнаго нападенія. Въ особенности мошки непримиримые враги всехъ вновь прѣзжающихъ въ край, которые въ первый годъ страдаютъ отъ нихъ болѣе чѣмъ другіе. Есть еще одно насѣкомое, которое, забравшись въ тѣло, причиняетъ мучительную боль; я говорю про круглаго червя *ришту* (*filaria medinensis*). Ришта попадаетъ въ тѣло вмѣстѣ съ питьемъ въ состояніи зародыша и потомъ уже, какъ полагаютъ, черезъ кровеносные сосуды, проходитъ подъ кожу, гдѣ и развивается до $1\frac{1}{2}$ аршина длины. Въ это время на кожѣ, въ томъ мѣстѣ, подъ которымъ помѣщается головка ришты, образуется красное пятно, а потомъ маленькій прыщъ, который, вслѣдствіе возбуждаемаго имъ зуда, легко сколупывается и тогда, въ образовавшейся ранкѣ видна головка ришты. Единственный способъ леченія этой болѣзни—извлеченіе ришты изъ тѣла. Туземцы дѣлаютъ это такъ: приподнимаютъ иголкой кожу на разстояніи одного дюйма отъ того мѣста, гдѣ образовалась ранка и срѣзываютъ бритвой круглую пластинку кожи. Послѣдовательными срѣзами они углубляютъ рану до обнаруженія тѣла ришты и тогда, запустивъ подъ нее иголку, вытаскиваютъ наружу передній ея конецъ и, захвативъ пальцами, при постоянномъ нажиманіи другой рукой на задній ея конецъ, вытаскиваютъ изъ тѣла. Специалисты дѣлаютъ это очень ловко,

такъ что собственно извлеченіе ришты продолжается не болѣе минуты. Послѣ вынутія затыкаютъ ранку кусочкомъ ваты и этимъ ограничиваютъ все леченіе. Главная задача при этой операциі состоитъ въ томъ, чтобы не оборвать ришту, такъ какъ въ подобномъ случаѣ и появляются собственно нестерпимыя боли. Ришта по большей части лежитъ подъ кожей человѣка, вытянувшись во всю длину, иногда же лежитъ въ клѣтчаткѣ между мускулами. Въ рѣдкихъ случаяхъ она помѣщается по нѣскольку экземпляровъ вмѣстѣ, свернувшись клубкомъ величиною съ дѣтскій кулакъ *).

Изъ болѣзней паразитныхъ я упомяну только о двухъ: сартовской болѣзни, называемой *авганъ-яра* или *пша-хурда* **) и проказѣ. Первая изъ этихъ болѣзней состоитъ изъ язвы, появляющейся большею частью на лицѣ и рукахъ, почему распространеніе ея приписываютъ арыкамъ, которые, проходя по дворамъ сартовскаго города и омывая различныя нечистоты, а также служа для омовенія зараженныхъ этою болѣзней, заражаются сами и сообщаютъ болѣзнь умывающимся этою водою. Руки же и лицо, какъ моющіеся чаще другихъ частей тѣла, подвергаются и болѣе частому зараженію ***) Туземные врачи излечиваютъ сартовскую болѣзнь въ три недѣли, употребляя для этого очень скоро высыхающій пластырь, приготовляемый ими изъ 30% окиси свинца и 70% кунжутнаго масла ****). Въ слѣдующее посѣщеніе докторъ срываетъ этотъ пластырь, обнажая при этомъ совершенно рану и прикладываетъ новый. Туземный способъ леченія настолько успѣшенъ, что не оставляетъ послѣ себя слѣдовъ въ видѣ крупныхъ рубцовъ и шрамовъ, какъ это бываетъ при выжиганіи ляписомъ. Насколько вѣрно приписываемое арычной водѣ зараженіе представляемъ судить специалистамъ, хотя нельзя не согласиться, что по большому количеству содержащихся въ ней гниющихъ органическихъ веществъ, она вообще не можетъ быть не вредною. Такъ по произведенному Ташкентской химической лабораторіей изслѣдованію оказалось, что для изслѣдованія количества содержащихся

*) Замѣтка о риштѣ А. П. Федченко.

**) *Авганъ-яра* значитъ авганская язва, а *пша-хурда*—злая муха.

***) II-й выпускъ матеріаловъ для статистики Туркестанскаго края, статья г. Терентьева.

****) Изслѣдованія Ташкентской химической лабораторіи.

въ арычной водѣ азійскаго Ташкента гниющихъ веществъ, потребовалось: 1) для 10 фунтовъ воды изъ арыка у Лабзакскихъ воротъ (при входѣ этого арыка въ городъ) 8,13 куб. сент. раствора марганцово-кислаго кали; 2) для того же количества воды изъ арыка, протекающаго въ самомъ городѣ на Гуль-базарѣ, у мыловареннаго завода, потребовалось 12,2 куб. сент. вышеупомянутаго раствора; 3) 10 ф. воды изъ арыка по исходѣ его изъ города потребовали отъ 8,28—13,45 куб. сент. раствора. Изъ этихъ анализовъ видно наглядно о постепенномъ возрастаніи количества растворенныхъ въ арыкахъ гниющихъ веществъ, по мѣрѣ теченія воды отъ начала до конца города. Наконецъ, вода арыка Гадраганъ, снабжающаго еще пока русской Ташкентъ водою, оказалась содержащею весьма значительное количество растворенныхъ органическихъ веществъ, особенно въ жаркое время года, и въ малыхъ канавахъ, и именно: въ 10,000 ч. чистой (отстоянной) воды, оно доходитъ до 0,45 ч. *).

Но возвратимся опять къ сартовской болѣзни. Это ничто иное какъ одинъ изъ видовъ проказы, другой видъ которой составляетъ *махао*. Пораженные этой болѣзнию выселены 40 лѣтъ тому назадъ въ отдѣльный кишлакъ, носящій то же названіе и находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ Ташкента. Живущіе въ этомъ кишлакѣ прокаженные совершенно отдѣлены отъ окружающаго міра и ничѣмъ не лечатся. Какъ только вѣсть о новомъ прокаженномъ достигнетъ до махао, тотчасъ же оттуда отправляется депутація, которая требуетъ больнаго къ себѣ на жительство. Богатые откупаются въ такомъ случаѣ ежегоднымъ взносомъ отъ 50 до 100 рублей, а бѣдные покоряются силѣ и поселяются въ кишлакѣ Махао. Жители этого выселка, вслѣдствіе своей отчужденности, лишены почти всѣхъ гражданскихъ правъ, питаются милостыней и, вступая въ бракъ только между собою, производятъ на свѣтъ младенцевъ, пораженныхъ уже этой болѣзнию. Несчастное населеніе этого кишлака, хотя и медленно, но всетаки растетъ; такъ въ 1869 въ немъ насчитывали 29 взрослыхъ больныхъ, а въ 1871—31 человѣкъ **).

*) Анализъ былъ произведенъ въ Ташк. хим. лабораторіи въ 1870 году нѣсколько разъ причемъ вода бралась изъ разныхъ мѣстъ арыка.

**) II выпускъ „Матеріалы для статистики Туркестанскаго края“, статья г. Те-

Не рѣдки въ Ташкентѣ также случаи заболѣванія сибирскою язвой, но здѣсь между туземцами она вовсе не производитъ такого ужаснаго впечатлѣнія какъ въ Россіи. Сарты лечатъ ее, прокалывая зараженное мѣсто шиломъ и посыпая туда тертый табакъ, употребляемый ими на жвачку и всегда имѣющійся почти у каждого сарта съ собою. Лечатъ также, прикладывая къ заболѣвшему мѣсту живую лягушку, причемъ она мгновенно окозѣваетъ и ее тотчасъ замѣняютъ новою. Всю трудность въ леченіи сибирской язвы сарты считаютъ въ томъ, чтобы захватить ее тотчасъ же, какъ она окажется.

Хотя мѣстные, туземные врачи въ леченіи наружныхъ болѣзней оказываются довольно искусны, но способы леченія ими внутреннихъ болѣзней стоятъ еще на очень низкой степени. Такъ напр., туземные врачи лечатъ грудныя болѣзни грудными травами, а когда это не помогаетъ, то кровопусканіемъ. Совершенно не знаютъ изслѣдованіе больнаго, а опредѣляютъ болѣзнь по однимъ рассказамъ больнаго. Только съ приходомъ русскихъ у сартовъ вошла въ употребленіе шпанская мушка и сарты принимаютъ ее иногда также во внутрь, какъ возбуждающее средство противъ ослабленія организма вслѣдствіе порочной жизни. Прежде для этой цѣли они употребляли корень *парти*, доставлявшійся изъ Китая, но чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Для возбужденія пищеваренія и отъ боли въ желудкѣ употребляютъ ароматные корни и приготовляемая въ Бухарѣ кашка изъ какихъ-то ароматическихъ веществъ съ примѣсью меда *).

*) «Турк. Вѣд.» 1871 года № 34.

ГЛАВА III.

Религія сартовъ.—Раздѣленіе суннитскаго ученія на толки и ордена.—Мѣста гдѣ собираются для моленія послѣдователи болѣе распространенныхъ толковъ въ Ташкентѣ.—Обрядъ моленія хуфитовъ и прохожденіе различныхъ степеней совершенствованія этого ученія.—Образовательная часть Ташкента; медресы и медресе.—Средства, на которыя содержатся медресе и ихъ администрація.

Сарты, какъ и всѣ народы Средней Азіи, исповѣдуютъ мусульманскую религію *суннитскаго* толка *) *ханефитскаго* ученія **), которое, въ свою очередь, распадается на сотни орденовъ, отличающіяся между собой обрядами. Болѣе важныхъ орденовъ насчитываютъ до 40, изъ которыхъ въ Ташкентѣ, по количеству послѣдователей считаютъ 4 главныхъ ордена: *хуфие*, *джагрие*, *чишtie* и *кадріе* или *шикіе*. Каждый изъ этихъ орденовъ собирается въ извѣстные дни, въ извѣстныхъ мечети, въ которыхъ послѣдователи и молятся согласно обрядамъ своего толка. Такъ напр., каждую пятницу, послѣ полуденнаго намаза, хуфиты собираются въ большомъ числѣ, въ махаллѣ Охчи и Арпапая къ наиболѣе славящимся хуфитамъ ишанамъ: Абу-Касымъ-хану и Ахметъ-Махзуму, имѣющимъ въ Бишъ-агачской части свои собственные мечети и въ Муй-мубарекъ, у медресе Барахонъ, въ Сибзорской части. Кромѣ того менѣе многочисленныя собранія муридовъ бывають ежедневно три раза: утромъ, послѣ намаза *бамдатъ*, въ полдень, послѣ намаза *асръ* и вечеромъ, послѣ намаза *хуфтанъ*. Послѣдователи же ордена джагрие собираются три раза въ недѣлю: въ

*) Магометанская религія укрѣпилась и начала распространиться чрезъ посредство *Абубекра* (отца Аише, одной изъ женъ Магомета) и *Омара*, принявшихъ эту религію. До этого времени Магометъ могъ проповѣдывать исламъ только скритно, между своими родными (мусульманское право барона Торнау).

**) Сунниты дѣлятся на: *Ханефитовъ*, *Малекиитовъ*, *Шафиитовъ* и *Ханбелитовъ*. Основателемъ перваго ученія былъ Абу-Ханефи и двое его учениковъ Абу-Юсуфъ и Магометъ, которые и распространили это ученіе въ Средней Азіи, Турціи и большей части Индіи. Прочіе же толки распространены въ слѣдующихъ странахъ Малекиитскій—въ Алжирѣ и Варварійскихъ владѣніяхъ, Шафиитскій—въ Египтѣ; что же касается до Ханбелитскаго ученія, то оно имѣетъ мало послѣдователей («Турк. Вѣд.»

понедѣльникъ въ мечети Ходжа-Ахраръ-Вали (въ Кукчинской части) гдѣ происходитъ моленіе съ 8 часовъ утра до часу или двухъ пополудни; по четвергамъ въ мечеть Ишанъ-Сахибъ-ходжа (въ кашгарскомъ махалле Шайхантаурской части) и въ Шайхантауръ, на ночное моленіе, продолжающееся съ 9 часовъ вечера до 5 утра. Въ ночь же съ воскресенья на понедѣльникъ въ мечеть Ишанъ-ходжа (въ махалле Арпапая *)). Обрядъ моленія этого ордена будетъ помѣщенъ ниже, въ этой же главѣ я упомяну о моленіи сулюка хуфіе, болѣе другихъ распространеннаго между высшимъ слоемъ общества мусульманскаго населенія.

По окончаніи полуденнаго намаза хуфиты садятся въ мечети образуя изъ себя овальный кругъ, во главѣ котораго, у *кыбле* **). садится старшій ишанъ (*муръ*), имѣя возлѣ себя, съ обѣихъ сторонъ младшихъ ишановъ. Моленіе начинается чтеніемъ однимъ изъ ишановъ молитвы, въ которой прибѣгаютъ къ Богу, прося помиловать ихъ родителей, наставниковъ и всѣхъ правовѣрныхъ и испрашиваютъ благословеніе Божіе. Во время чтенія этой молитвы ишаны и старые, прошедшіе уже всѣ степени духовнаго совершенства, хуфиты сидятъ съ понижшими головами, между тѣмъ какъ новички сопровождаютъ чтеніе молитвы различными возгласами и тѣлодвиженіями. По окончаніи молитвы муриды составляютъ нѣсколько кружковъ (*хальке*), каждый человекъ въ 15—20, имѣя въ серединѣ по одному ишану. Затѣмъ начинается вторая, самая существенная часть моленія, называемая *теваджюгъ*. Она состоитъ въ томъ, что ишанъ обращаясь поочередно къ каждому сидящему въ кружкѣ, мысленно произноситъ нѣсколько десятковъ разъ слова: Богъ! о Боже! и т. п., сопровождая это переборомъ четокъ и закрытіемъ глазъ, что дѣлаетъ и сидящій передъ ишаномъ муридъ. Ишанъ при этомъ киваетъ головой и слегка сопитъ (*нафисботъ*). Получивъ отъ одного ишана внутреннее созерцаніе, муридъ идетъ къ другому ишану, потомъ къ третьему и т. д., пока не обойдетъ всѣ хальке. При этомъ нѣкоторые, какъ бы не въ силахъ удер-

*) «Турк. Вѣд.» 1873 и 1874 г. № 15.

**) Кыбле—главная ниша въ западной стѣнѣ мечети, обращенной къ сторонѣ Мекки, составляетъ необходимую ея принадлежность, безъ которой она не можетъ существовать. Собственно кыбле значить—направленіе къ Меккѣ.

жать свой восторгъ, выражаютъ его громко крикомъ и дикими тѣлодвиженіями, въ ущербъ важнѣйшему принципу этого ученія. По ученію хуфитовъ теваджюги ишана способствуютъ вытѣсненію изъ души всего дурнаго и нечистаго и такимъ образомъ правовѣрный достигаетъ духовнаго совершенствованія и просвѣщенія.

Принятіе новаго члена и посвященіе его въ члены ордена состоитъ въ томъ, что ишанъ беретъ правую руку и держа ее между своими ладонями, спрашиваетъ: вступаетъ ли тотъ въ сулюкъ хуфіе? Затѣмъ послѣ утвердительнаго отвѣта даетъ наставленіе не дѣлать дурнаго, не лгать, чаще молиться, не брать чужаго и вдыхать въ себя слово Аллахъ *). Въстѣ съ тѣмъ вступающему въ орденъ предписываютъ прохожденіе первой степени послушанія, заключающейся въ чтеніи нѣсколько разъ при восходѣ солнца определенной молитвы. Вторая степень послушанія заключается въ мысленномъ произнесеніи «*Ла-иллога-илль-Алла* (нѣтъ Божества кромѣ Аллаха), причемъ слѣдуетъ покачивать голову къ сторонѣ сердца. Третья степень состоитъ въ произнесеніи дѣять разъ слово: «нѣтъ Божества кромѣ Аллаха», а въ десятый разъ «и Магометь пророкъ Бога». Затѣмъ повторяютъ днемъ и ночью нѣсколько тысячъ разъ: «*я Алла! я раззакъ!* (о питатель), *я хей!* (о живой), *бисмилля!* (во имя Бога), и другія подобныя восклицанія, составляющія тоже часть упражненій при прохожденіи пути къ душевному очищенію. Слѣдующая степень (нафисбодъ) состоитъ въ сидѣніи со сложенными крестообразно на колѣняхъ руками и опущенной головой, во время котораго почти безмолвно, сопровождая только легкимъ пощелкиваніемъ языка и сопѣніемъ, произносятъ: «я Алла!» Когда мусульманинъ пройдетъ это испытаніе, то дѣлается почти совершенно чистымъ.

Дальнѣйшее прохожденіе степеней заключается въ чтеніи толкованій корана, размышленіи надъ прочитаннымъ и въ созерцаніи

*) По ученію хуфитовъ, слово Аллахъ слѣдуетъ произносить не языкомъ, а сердцемъ, т. е. въ лѣвомъ боку въ теченіи 10 дней, послѣ чего оно произносится столько же времени въ правомъ боку, затѣмъ въ лѣвомъ боку надъ сердцемъ, потомъ въ правомъ подъ ключицей; послѣ того въ груди и наконецъ, въ горлѣ. Во время этого молитвеннаго упражненія, занимающаго 60 дней, все нечистое и порочное улетучивается изъ муриды, посредствомъ разныхъ припаковъ, произведенныхъ, конечно, усиліями произносить слово Аллахъ своими внутренностями. («Турк. Вѣд.» 1874 г. № 15).

величія Божія, выражаюшемся въ безмолвномъ сидѣніи съ накло-
ненною къ сердцу головой *).

Ишаны главы орденовъ, не имѣютъ никакихъ занятій, кромѣ
требъ. Почти каждый изъ великихъ ишановъ имѣетъ свою мечеть,
а иные и медресе. Настоящіе, истинные ишаны всегда болѣзненны
и блѣдны, вслѣдствіе незначительнаго количества употребляемой
ими пищи и бодрствованія по цѣлымъ ночамъ, во время которыхъ
происходятъ поученія.

Образовательная часть Ташкента состоитъ изъ *мехтебъ* и *ме-
дресе*. Въ первыхъ изъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній, уча-
щіеся получаютъ первоначальное образование—читать и писать.
Чтеніе производится въ слухъ и каждый ученикъ выкрикиваетъ
свой урокъ. Для удобства наблюденія, всѣ ученики садятся въ
кружокъ и положивъ книгу на устроенный кругомъ всей комнаты
земляной валикъ, раскачиваются всѣмъ корпусомъ и кричатъ кто
буквы, кто склады. Определенной платы за ученіе въ мехтебѣ не
полагается, а учитель пользуется подарками, которые посылаютъ
ему родители съ учениками въ разное неопределенное время. Вы-
учившись читать и писать, тѣ кто желаетъ продолжать свое обра-
зованіе поступаютъ въ медресе. Метода преподаванія въ медресѣ
состоитъ въ томъ, что слушатели, по своимъ разрядамъ и оче-
реди, окружаютъ преподавателя, имѣя каждый передъ собой руко-
водительную книгу, относящуюся къ предмету преподаванія въ
томъ разрядѣ. Кто нибудь изъ студентовъ читаетъ текстъ,
преподаватель же объясняетъ читанное и рѣшаетъ всѣ вопросы и
непонятныя мѣста. Часто случается, что въ одну лекцію прочи-
тывается только двѣ строки, а объясненіе на нихъ продолжается
три часа. Съ окончаніемъ чтенія книги, кончается и курсъ и слу-
шатели переходятъ на слѣдующій *). Надо однако замѣтить, что
хотя такимъ образомъ переходъ изъ курса въ курсъ и становится
довольно легкимъ, но при полученіи какого нибудь мѣста,
связаннаго съ условіемъ окончанія курса въ медресе, всегда ока-
зывается кто слушалъ внимательно и кто нѣтъ, потому что ищущій
мѣсто подвергается испытанію въ знаніи шаріата.

*) »Туркест. Вѣд.» 1874 г. № 15.

**) Статья Мирзы-Казембека, приложенная къ «Мюхтесеруль-вигкаету».

Медресе, точно также какъ мехтебы и мечети, устраиваются
и содержатся на частныя средства. Строители ихъ обыкновенно
обеспечиваютъ выстроенныя ими медресе и мечети, доходами съ
земель, лавокъ, бань и т. п. которые и называются *вакуфами*
тѣхъ учрежденій къ которымъ они приписаны. Каждый жертвую-
щій вакуфъ на известное учрежденіе долженъ сдѣлать запись (*ва-
куфъ-нама*), въ которой подробно опредѣлить: границы вакуфа и
правила управленія имъ. Упомянуть изъ какой фамиліи долженъ
быть *мутовалій* (управляющій вакуфомъ) и сколько слѣдуетъ вы-
давать жалованья учителю медресе (*мударису*), сколько учащимся
и какъ выдавать имъ: по ровну или по классамъ, всѣмъ, или
только соотечественникамъ жертвователя и сколько платить сторо-
жамъ (*фerrarамъ*). Если же вакуфъ приписанъ къ мечети, то
какое жалованье давать имаму и азанчи (призывающему на мо-
литву *).

Вакуфы назначаются въ пользу слѣдующихъ учрежденій: ме-
четей, медресе, на содержаніе кладбища, на содержаніе могилы
какого-нибудь святаго *) и на содержаніе домовъ для омовенія
(*техаретъ-ханъ*).

ГЛАВА IV.

Общій видъ азійскаго Ташкента. — Прогулка по улицамъ города. — Древнія и
болѣе замѣчательныя мечети и медресе. — Азіятцы мало дорожатъ древностями. —
Большой базаръ; разноплеменность его посѣтителей. — Индійцы, живущіе на этомъ
базарѣ. — Евреи; древность поселенія ихъ въ Средней-Азій. — Лавки базара оста-
ются отворенными. — Примѣръ доврчивости сартовъ. — Медресе Пештовъ; ея
прежнее назначеніе. — Исполненіе казни во времена коканскаго владычества. —
Мечеть Ходжа-ахраръ-вали. — Послѣдователи ордена джагри, собирающіеся въ
этой мечети. — Ихъ моленіе.

Общій видъ азійскаго Ташкента не имѣетъ рѣзкаго отличія
отъ другихъ азійскихъ городовъ; тѣ-же узкія не мощеныя улицы,
по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся глиняныя стѣны домовъ.

*) Управленіе г. Ташкентомъ во время коканскаго владычества.

**) Т. е. на наемъ сторожа, масло для лампы и проч. потребности.

и заборовъ, тѣ же плохіе и поломанные мостики черезъ арыки, протекающіе поперегъ улицъ и только часто встрѣчающіеся базарчики оживляютъ однообразную картину. Душно и пыльно въ этихъ узкихъ и кривыхъ переулкахъ и побывавшему въ азіатскомъ городѣ становится понятно, почему жители строятъ дома окнами во внутрь двора. Почти въ каждомъ домѣ имѣется если не садъ, то два-три раскидистыхъ дерева, на которые гораздо пріятнѣе смотрѣть, чѣмъ на улицу. Войдите на крышу какого-нибудь медресе и вамъ представится куча глиняныхъ сакель, лепящихся другъ подлѣ друга, небольшіе дворики съ группами старыхъ раскидистыхъ деревъ и тѣсныя улицы. Откуда-то донеслись до васъ звуки бубень и барабановъ, вѣрно гдѣ нибудь справляютъ свадьбу; увидите на улицѣ кучку сартятъ, несущихъ вѣтку съ наклеенными на ней бумажными цвѣтами, это тоже несутъ въ домъ невѣсты (*колярымъ*) въ видѣ поздравленія, за что и получаютъ по халату. Куда ни оглянитесь, всюду глазъ вашъ встрѣчаетъ не высокія колонны минаретовъ *) и разбросанныя по городу кладбища. Последнее составляетъ отличительную черту вообще всѣхъ городовъ Средней-Азіи. Кладбища находятся не только внутри города, но отдѣльныя могилы разбросаны часто по улицамъ. Почти при каждой мечети находится могила строителя и возвышающійся надъ ней бунчукъ и прочіе атрибуты указываютъ вамъ на мѣсто, гдѣ погребенъ *батыръ* (богатырь).

Громадныя мечети и медресе рѣзко выдѣляются изъ этой кучи домовъ и освѣщенные солнцемъ ярко рисуются на темно-голубомъ небѣ. А далѣе, безконечной лентой тянутся городскіе сады; широкой лентой обхватили они весь азіатскій Ташкентъ и на югѣ почти вплотъ примыкаютъ къ русскому городу. Весь онъ потонулъ въ этой зелени, такъ что едва бѣлѣются стѣны домовъ сквозь листву густаго лѣса. А тамъ, внизу, точно въ муравейникѣ, кишитъ и снуетъ взадъ и впередъ народъ. Это большой базаръ азіатскаго города. Вся производительность Туркестана и

*) Въ Средней-Азіи нѣтъ остроконечныхъ минаретовъ, какъ въ Турціи, точно также какъ и полумѣсяца на мечетяхъ; вмѣсто него вы на каждомъ куполѣ увидите сидящаго въ гнѣздѣ анста.

независимыхъ ханствъ имѣеть тутъ своихъ представителей и базаръ этотъ вполне можетъ удовлетворить вкусу самаго взыскательнаго азіатца... Насмотрѣвшись на панораму, представляющуюся глазамъ съ возвышенности, мы съ вами сходимъ съ крыши и начинаемъ прогулку по городу.

Перейдя мостъ черезъ арыкъ *Анхоръ*, небольшимъ базаромъ вы входите изъ русскаго города прямо въ улицу *Ташъ-кучѣ*, одну изъ главныхъ сартовскаго Ташкента, шоссированную, въ настоящее время уже до самаго главнаго базара. Окните взглядомъ этотъ растянувшійся по обѣ стороны улицы базаръ и вы сразу увидите всю его незатѣйливую производительность. Благодаря устройству лавокъ, состоящихъ изъ трехъ стѣнъ и крыши, тотчасъ же можно видѣть всю торговлю и мастерства. Передъ самымъ входомъ въ лавку у мясника развѣшены различныя части барана и курдюки. Починщикъ посуды (*кадакчи*) сидитъ у порога и быстро двигаетъ своимъ смычкомъ, сшивая посуду. Сапожникъ шьетъ массы и тутъ же развѣшиваетъ ихъ, стараясь выставить наружу ихъ зеленые задники, предметъ соблазна для сарта; въ лавкахъ со всякой всячиной (*бакалѣ*), развѣшены передъ входомъ по образцу ихъ продуктовъ. Продавецъ пилъменей и каурдака готовитъ эти лакомства передъ входомъ въ свою лавку и, далеко распространяя соблазнительный запахъ, не нуждается ни въ какой другой вывѣскѣ, хорошо сознавая, что это составляетъ лучшую приманку. Кузнецъ устроилъ очагъ и станокъ для ковки тутъ же на улицѣ. Мѣдникъ у порога своей лавки выдѣлываетъ кумганы и другую посуду. Груды дынь, арбузовъ и винограда дополняютъ эту картину; прибавьте еще мелочныхъ торговцевъ, торгующихъ въ разность на лоткахъ, сартятъ съ чашками молока (*каймакчи*), мѣняль (*саррабъ*) сидящихъ тутъ-же съ разложенными на землѣ кучками мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, блеяніе овецъ, ревъ навьюченныхъ верблюдовъ и снующую всюду разнохарактерную толпу и вы получите вѣрную картину азіатскаго базара.

Итакъ мы вступаемъ въ Шайхантаурскую часть и ѣдемъ по главной улицѣ. Сразу чувствуете вы, что вышли изъ русскаго города. На улицахъ отсутствіе зелени. Вмѣсто живительной прохлады отъ политыхъ улицъ, васъ палитъ нестерпимый зной отъ нака-

лившихся стѣнъ домовъ и самой почвы. Кое-гдѣ небольшія заклеенныя бумагой четырехъ угольныя отверстія, замѣняющія окна, одиноко выглядываютъ на улицу, вмѣсто воротъ въ стѣнахъ продѣланы деревянныя калитки; только азійскія лошади, привыкшія ко всевозможнымъ неудобствамъ дорогъ, способны проходить въ эти узкія отверстія, поднятыя чуть что не на $\frac{3}{4}$ отъ земли. Порой, когда вы въѣзжаете на возвышенную часть улицы, передъ вами на минуту откроется иногда довольно красивый видъ на какое нибудь старинное медресе, осѣненное двухсотъ или трехсотлѣтними карагачами и затѣмъ тотчасъ же вся эта, открывшаяся за минуту передъ тѣмъ панорама — скрывается и опять вы видите только длинный рядъ сакель, тянувшихся по обѣ стороны дороги. Пыль, поднятая стадомъ барановъ, которое гонять вамъ на встрѣчу, долго стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ. Высокая арба съ трудомъ проталкивается сквозь это стадо, загородившее всю улицу, а тутъ еще ишакъ, выбравъ самое пыльное мѣсто, началъ валаться и, почувствовавъ отъ этого высокое ишачье наслажденіе, заревѣлъ на всю улицу своимъ захлебывающимся голосомъ. Верблюды, навьюченные камышемъ, привязаннымъ къ ихъ спинѣ за одинъ конецъ, мѣрнымъ шагомъ выступаютъ за своимъ лауча (вожакъ верблюдовъ), оставляя широкій слѣдъ за собою.... Это махалле Дивана-Бурхъ, населенный преимущественно сартами, производящими мату *). Тутъ-же въ узенькихъ переулкахъ вы увидите основу, натянутую на деревянные козлы и рамы. Такихъ переулковъ понадается множество вамъ на пути; часто они составляютъ только узкій проходъ къ какой-нибудь сакль, помѣстившейся внутри квартала и оканчиваются калиткой. За этимъ кварталомъ, вправо тянется Гоукушъ махалле, занятый литейщиками чугунныхъ котловъ (казанъ). Проѣхали еще немного — и передъ вами Шайхантауръ-медресе, большое зданіе, сложенное изъ жженого кирпича. Рѣшетчатые окна келій студентовъ выходятъ на улицу и въ нихъ видны сидящіе на коврахъ, за книгами, ученики. Никакого убранства, или удобства не представляютъ эти кельи. Узкая, маленькая комната, съ куполообразнымъ потолкомъ, въ которомъ проходитъ прямая труба, покрыта кошмами;

*) Бумажная пряжа, замѣняющая туземцамъ холстъ.

но угламъ сложено по нѣскольку одѣялъ, на которыхъ сидятъ учащіеся; тутъ-же лежатъ чалмы и книги. Вотъ все, что представится вашимъ глазамъ, когда войдете въ подобную келью.

Медресе строится всегда квадратомъ, съ большимъ по срединѣ дворомъ и террасой у зданія, въ которомъ подѣланы сплошь, одна подлѣ другой, такія же кельи, какъ мы видѣли сейчасъ.

За Шайхантауромъ вы вступаете въ Искеджуа махалле и проѣхавъ женскую мечеть, проѣзжаете вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ уголь Бишъ-агачской части. По обѣ стороны улицы видны ряды мастерскихъ съ строящимися арбами, далѣе сгруппировались продавцы мельничныхъ жернововъ; тутъ же по оврагамъ, на широкомъ арыкѣ пріютились и водяныя мельницы. Далѣе раздающійся изъ открытыхъ дверей мастерскихъ стукъ даетъ знать, что вы вступили въ ряды мѣдниковъ и вотъ, за поворотомъ улицы, передъ вами открывается большая, раскрашенная ковровымъ узоромъ по стѣнамъ и потолку, мечеть, сразу обращающая на себя ваше вниманіе, тѣмъ болѣе, что кругомъ все сыро и грязно. Это женская мечеть Ишанъ-Гузаръ. Проѣхавъ черезъ небольшую площадь, вы подымаетесь вверхъ по какой-то первобытной мостовой. Это просто толстыя плиты, по какому-то случаю торчашія изъ грунта и представляющія родъ лѣстницы, тѣмъ болѣе неудобной для проѣзда, что лошади скользятъ по жидкой грязи, покрывающей эту первобытную мостовую.

Проѣхавъ Охунъ-Гузаръ, съ мечетью того же имени и Батыръ-мечеть съ растущимъ, по близости, древнимъ чинаромъ, нижнюю часть котораго облѣпили сакли, вы подъѣзжаете къ Барахонъ-мечети съ медресе того-же имени. Древнее зданіе это, существующее, какъ говорятъ 550 лѣтъ, представляетъ громадную постройку съ обычными азійскими, изразцовыми украшениями. Почти вся наружная часть этого четырехъ-угольнаго зданія, со стрѣлчатой нишей и воротами, покрыта разноцвѣтными узорами. На половину разрушенный куполь мечети, отлично сохранилъ еще узорчатые изразцовые пояса и надпись. Этому медресе много повредило сильное землетрясеніе, бывшее лѣтъ 8 тому назадъ. Почти противъ этого медресе идетъ халимкуфъ махалле съ мечетью Хастимомъ и кладбищемъ съ двумя древними карагачами, посаженными, какъ говорятъ, строителемъ этой мечети. Про эти кара-

гачи говорятъ, что ихъ сажилъ благочестивый человѣкъ и потому, несмотря на то, что они не орошаются, они никогда не засохнуть. Проѣхавъ мимо этой мечети, мы направимся черезъ махалле Хош-тутъ и Токле-джалобъ, населенный преимущественно гуртовщиками скота, прямо въ махалле Чагатай, къ кургану Шаршинъ, основаніе котораго приписываютъ Афросіабу. Въ настоящее время одна сторона кургана уже почти скрыта жителями, берущими отсюда землю для своихъ построекъ. Можетъ быть такимъ способомъ и докопаются до какихъ нибудь древностей, которыя бросятъ свѣтъ на этотъ темный періодъ, но врядъ-ли онѣ попадутъ въ руки тѣхъ, кто ими интересуется. Вообще про азіатцевъ можно сказать, что они мало дорожатъ древностями и съ удовольствіемъ растаскали бы, по кирпичу, старинныя медресе для своихъ потребностей. Вѣроятно, потому только и сохраняются такъ хорошо могилы ихъ батырей, что слѣплены изъ глины и украшены никому не нужными бараньими рогами, да кускомъ маты, навязаннымъ на шею. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на любое старинное медресе или мечеть и васъ поразитъ та безпечность азіатцевъ, съ какой они даютъ времени и землетрясеніямъ продолжать начатое уже ими дѣло разрушенія. У многихъ треснули стѣны, провалились до половины купола и все это такъ и оставлено. Вывалившіеся изразцовые узоры и надписи замазаны алебастромъ и неприятно рѣжутъ глазъ своимъ безобразіемъ. А между тѣмъ каждая мечеть и медресе имѣетъ приписанныя къ ней лавки, бани, сарай и т. п. заведенія, доходъ съ которыхъ идетъ на содержаніе этихъ учреждений. Гдѣ-же причина продолжающихся разрушеній? Кажется, безошибочно можно сказать, что распорядитель вакуфа (мутовалій) приписаннаго къ какому нибудь медресе и есть главная причина его разрушенія. Мутовалій назначается всегда изъ рода жертвующаго вакуфъ сарта и вотъ онъ, нисколько не сочувствуя благочестивому пастроенію своего родственника, старается какъ можно менѣе издерживать доходовъ съ вакуфа на порученное ему медресе и такимъ образомъ обогащается самъ на его счетъ.

Вотъ и большой базаръ, съ его разнохарактерной толпой, вѣчно снующей по базару, частію по дѣлу, частію такъ, чтобы потолкаться и провести время. Тутъ вы увидите представителей почти всей Азіи. Передъ вами, какъ въ калейдоскопѣ, проходитъ

эта пестрая толпа людей. Здѣсь вы встрѣтите и киргиза въ своемъ грязномъ, оборванномъ халатѣ, въ остроконечной войлочной съ разрѣзными полями шляпѣ, а то просто съ головой, повязанной по—женски платкомъ. Другой нахлобучилъ на голову зимній малахай и, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что его черномазое лицо лоснится отъ пота, завязалъ еще свой малахай подъ горломъ. Встрѣтите афганца съ длинными до плечъ волосами, сидящаго у порога какой нибудь лавки. Худошавые, вѣчно серіозные индѣйцы выступаютъ по базару, съ надѣтой назадъ узенькой шапочкой, изъ подъ которой висятъ два длинныхъ, заправленныхъ за уши локона. Въ узкомъ, до коленъ, кафтанѣ и такихъ же матерчатыхъ брюкахъ идетъ индусъ по базару, не обращая вниманія на его суету. Не для покупокъ онъ пришелъ сюда; онъ ищетъ своего должника, которому ссудилъ деньги и теперь идетъ за полученіемъ процентовъ. Онъ хорошо знаетъ, что пустивши въ оборотъ 100 р., черезъ полгода онъ долженъ получить 125 р. и вотъ занятый своими процентами, индѣецъ безучастно смотритъ на разнохарактерную толпу, снующую передъ его глазами. Смуглое блѣдное лицо его серіозно, чему много способствуетъ нарисованный между сдвинутыхъ черныхъ бровей красный огонь. Чтобы не испугать своего должника большими процентами, онъ ссужаетъ его на полгода и собираетъ ихъ по недѣлямъ, руководствуясь тѣмъ, что чѣмъ мельче счетъ, тѣмъ вѣрнѣе получишь. Не пытайтесь проникнуть въ его домашнюю жизнь, вы ничего не увидите. Испытаете только неудобство проѣзда черезъ высокій порогъ калитки, ведущей на дворъ, вокругъ котораго расположены ихъ лавки, изъ которыхъ онъ и получаетъ все необходимое отъ своихъ же индѣйцевъ. На дворѣ не видно никакой молельни; религіозная ихъ нетерпимость не позволитъ заглянуть вамъ и въ ихъ внутренній бытъ. Увидите только широкій арыкъ, гдѣ они купаются утромъ, ежедневно, и зимой и лѣтомъ, послѣ чего разрисовываютъ себѣ лицо, чаще всего красной краской, на лбу и за ушами. Все, къ чему вы ни прикоснулись, считается оскверненнымъ и только одни деньги или залогъ приметъ онъ отъ васъ. Это ростовщики (*иджаракуръ*) по призванію и за немногимъ исключеніемъ всѣ они занимаются этой профессіей. Сарты ихъ не уважаютъ, но обращаются къ нимъ по нуждѣ, какъ къ людямъ денежнымъ, точно также какъ къ евре-

ямъ, которые и здѣсь, принявъ наружный видъ, общій всѣмъ среднеазіятцамъ—сохранили свой типъ и пейсы *). Говорятъ, что они были прежде въ пренебреженіи, что могли ѣздить не иначе какъ на ишакахъ, опоясанные веревкой, да и то внѣ города, — ничего этого нѣтъ въ настоящее время не только въ русскомъ Туркестанѣ, но и въ другихъ независимыхъ ханствахъ, какъ напр. въ Бухарѣ; тамъ они считаются за людей денежныхъ, умѣющихъ нажить и преспокойно проталкиваются, при какомъ вибудь зрѣлищѣ, впередъ, черезъ толпу правовѣрныхъ, что, судя по прежнимъ рассказамъ, едва ли бы могло пройти даромъ еврею. Наконецъ, еще во время жизни Магомета, при самомъ началѣ магометанской религіи, евреи находились подъ покровительствомъ мусульманъ. Такъ послѣ переселенія Магомета изъ Мекки въ Медину, былъ заключенъ имъ договоръ съ туземными жителями, по которому между другими статьями опредѣлявшими взаимныя отношенія пришедшихъ мусульманъ и туземцевъ, было условіе, ставившее евреевъ, присоединившихся къ мусульманамъ, подъ защиту отъ обидъ и оскорбленій и дававшее имъ свободу отправлять обряды своей религіи **).

Если нельзя считать евреевъ за коренныхъ, то всетаки ихъ необходимо причислить къ однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ среднеазіятскихъ обитателей. Такъ по изслѣдованіямъ ученаго еврея Гуды Чернаго, они послѣ своего поселенія въ Мидіи, куда были выведены Салманассаромъ за 720 л. до Р. Х., распространились чрезъ Персію въ Маверонагръ ***). По свидѣтельству арабскаго географа Абу-Далефа, въ X вѣкѣ по Р. Х. евреи жили уже въ значительномъ числѣ во всей центральной Азій, между различными тюркскими народностями.

Но довольно про евреевъ; обратимся опять къ прерванному осмотру. И такъ мы съ вами на большомъ базарѣ, гдѣ не выходя можетъ прожить всю свою жизнь любой азіятець. Здѣсь онъ можетъ одѣться, обуться, вымыться въ банѣ, напиться чаю въ любой чай-хане, поѣсть шурпы или полау, провести ночь въ слу-

*) Среднеазіятскіе евреи носятъ халаты и тюпие какъ и мусульмане.

***) „Замѣтки о жизни Магомета и коранѣ“. Казимирскаго. Переводъ Ник олева.

***) Т. е. Междурѣчьи, странѣ между рр. Оксомъ и Яксартомъ (Аму и Сыр-дарьей).

шаніи пѣвцовъ и въ созерцаніи пляски бачей и т. п. Огромная площадь, занятая этимъ базаромъ, имѣетъ множество, большею частію крытыхъ улицъ, по сторонамъ которыхъ расположены лавки со всевозможной производительностію, сгруппированныя по улицамъ и рядамъ *). Часто вы увидите совершенно открытую лавку, хозяинъ которой сидитъ гдѣ нибудь у другаго сарта, оставивъ свою лавку отворенной и не загородивъ ее даже плетенкой и не смотря на то, никто не войдетъ въ нее.

Относительно первобытнаго способа запираеть свои лавки и кладовыя, я могу привести интересный примѣръ: одинъ изъ сартовъ торговцевъ нанялъ въ русскомъ городѣ (Ташкентѣ) сарай для склада ячменя на зиму. Ссылавъ туда свой запасъ, онъ притворилъ двери и запечаталъ ихъ комкомъ глины, на которой сдѣлалъ свой знакъ. Никакихъ замковъ не навѣсилъ онъ на дверь, вполнѣ убѣжденный, что запечатанную дверь никто не станетъ отворять.

Продолжаю описаніе базара. Покрытыя никогда не высыхающею грязью улицы базара переполнены народомъ, верблюдами, лошадьми и ишаками. Все это силошь заняло все проходы, стоитъ, бранится и ржетъ на перекресткахъ, и вы, съ трудомъ подлѣзая подъ лошадиныя морды и толкая неповоротливыхъ верблюдовъ, продираетесь сквозь эту толпу. Если вы незнакомы съ базаромъ и не имѣете проводника, вы никогда не найдете въ немъ того, что вамъ нужно. Напрасно будете вы ходить по базару и высматривать, сарты никогда не станутъ зазывать васъ въ свою лавку,

*) На этомъ базарѣ насчитываютъ 2763 лавки, главная торговля которыхъ распределяется слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто, по количеству, занимаютъ лавки съ мануфактурнымъ товаромъ (618). Затѣмъ слѣдуютъ: мясная и продуктовыя, торгующія также и разною мелочью; съ самоварами, чайной посудой, шелкомъ и разнымъ мелочнымъ товаромъ; обувь, женскіе и мужскіе халаты; сырая кожа, каны, арканы, кошмы и зеленый сауръ; съ чаемъ и сахаромъ и наконецъ торговля тюбетейками, коконами, шелковой тесьмой и спурками (102). Число лавокъ съ другими товарами не восходитъ далѣе 78—76 для каждаго отдѣльнаго рода, а нѣкоторые товары помѣщаются въ 8—7 и менѣе лавкахъ. Изъ числа же промысловыхъ и ремесленныхъ заведеній, главныя мѣста на этомъ базарѣ занимаютъ: мельницы (90), за которыми слѣдуютъ: кожевники, кузнецы, ростовщики, серебряники, толченъ, красильщики, пирожики, сапожники и мѣшачи (23).

точно также какъ не стануть выкрикивать свой товаръ *) и сидя на коврѣ у порога, онъ также безучастно взглянетъ на васъ, когда вы подойдете къ нему, какъ и на прочихъ проходящихъ. Онъ знаетъ, что вся его торговля тутъ же наружу и тотъ, кому нуженъ его товаръ, самъ отыщетъ его.

Какъ непремѣнную принадлежность базара, встрѣтите нѣсколько дувановъ, съ дикими жестами распыляющихъ что-то во все горло. Увидите дервишей съ громадными курильницами, окуривающихъ лавки и народъ травой *иссырыкъ* въ предотвращеніе отъ дурнаго глаза и порчи **).

На этомъ же базарѣ пріютилось и медресе *Пештокъ*. Высоко подымается оно надъ помостомъ, на который сбрасывали прежде преступниковъ. Много крови впиталъ въ себя каменный помостъ и стоитъ теперь это медресе памятникомъ жестокихъ казней, во время коканскаго владычества, когда здѣсь зачастую валялся разбитый трупъ несчастнаго преступника. Обыкновенно передъ исполненіемъ приговора, осужденнаго водили по городу и базару въ сопровожденіи палача (*джелата*). Около преступника шли *аксакалъ* и *раисъ* ***), которые по временамъ читали народу, что такой-то

*) Только одни уличные торговцы и сартята, торгующіе въ разность, выкрикиваютъ свой товаръ.

***) Иссырыкъ растетъ въ грядѣ горъ, возвышающихся на востокъ отъ Ташкента близъ горы *Бишиклякъ* (люлька), названной такъ по очертанію своей вершины, имѣющей сходство съ сартовской люлькой. Для окуриванія иссырыкъ смѣшиваютъ съ солью и порохомъ. Появленіе на свѣтъ этой травы, легенда приписываетъ хазрегу Шогі-Джалилъ, молитва котораго о ниспосланіи людямъ какой нибудь цѣлебной травы услышана Богомъ, по повелѣнію котораго эта трава и получила свое существованіе, вмѣстѣ со свойствомъ исцѣлять и предотвращать отъ дурнаго глаза и порчи. (Кишлакъ Номданакъ, Пантусова).

***) Во время коканскаго владычества, каждая часть города была подчинена аксакалу, который въ свою очередь подчинялся беку. Аксакалы выбиралась народомъ, послѣ чего почетные люди шли къ беку и объявляли ему объ имени избраннаго лица. Отъ избираемаго требовалось: честность, хорошее поведеніе и преданность религіи. Такихъ аксакаловъ находилось въ городѣ 4, по числу частей, на которыя дѣлится городъ. Затѣмъ городъ раздѣлялся еще аркомъ Боссу на двѣ части, по двѣ съ каждой стороны арка, которыя подчинялись раису (покровителю вѣры). Отъ раиса, кромѣ нравственныхъ качествъ, требовалось знаніе шаріата, т. е. свода мусульманскихъ законовъ. Раисъ долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ правовѣрными религиозныхъ обязанностей, ходить по базару и смотрѣть за соблюденіемъ благочинія и порядка. Онъ же разбиралъ женъ и мужей

будетъ казненъ за такое-то преступленіе, послѣ чего уже осужденнаго предавали казни *). Трупъ казненнаго лежалъ на помостѣ до заката солнца. Теперь это медресе служитъ совершенно инымъ цѣлямъ. На вершину его восходятъ только для того, чтобы посмотрѣть на городъ. По узкимъ и крутымъ ступенямъ входите вы на крышу боковыхъ уступовъ этого зданія—и передъ вами разомъ открывается весь Ташкентъ, общій видъ котораго я уже представилъ вамъ въ началѣ этой главы.

Если вы не устали, то повернемте назадъ и, проталкиваясь сквозь толпу, перепрыгивая съ камня на камень, положенные черезъ улицы базара для сообщенія пѣшеходовъ, выберемтесь на открытую базарную часть и мимо махалле, населеннаго кожевниками, пройдемте къ той мечети, что виднѣется вдали, на холмѣ, вся облитая лучами полуденнаго солнца. Это мечеть *ходжа-Ахраръ-Вали*. Еще издали, по временамъ вы слышите отрывочныя ноты хора, раздающіяся изъ мечети; но едва долетѣвъ до вашего слуха, онѣ теряются посреди базарнаго шума. Порой дикій, неестественный крикъ пронесется изъ этой мечети и вдругъ, какъ бы оборвавшись, мгновенно замираетъ въ воздухѣ. Эти кри-

въ неисполненіи ими супружескихъ обязанностей, дурномъ содержаніи мужейъ жены и проч. Ъзали раисъ по городу всегда въ сопровожденіи десяти *гиринда* (ловителей), нанимаемыхъ имъ на свой счетъ. Эти гиринда сопровождали раиса, имѣя въ рукахъ *дору* (широкой и толстой ременный кнутъ), которымъ раисъ наказывалъ за неисполненіе постановленій шаріата. (Управленіе г. Ташкентомъ во время коканскаго владычества).

*) До завоеванія русскими Ташкента, существовавшіе въ немъ роды казней были очень разнообразны: 1) Всѣ лица, арестованныя по приказанію бека или по приговору суда, опускались въ глубокую яму (*зияданъ*), которая находилась въ вѣдѣніи *куръ-баши*. 2) За всякое нарушеніе шаріата раисъ наказывалъ правовѣрнаго отъ 5 до 79 ударовъ доры. 3) За кражу на сумму свыше 10 *тенетъ* (2 р.) отсѣкалась рука. 4) За отреченіе отъ вѣры преступникъ побивался камнями, послѣ чего тѣло хоронилось безъ молитвы и зарывалось въ неглубокую яму для того, чтобы могло быть вырыто и слѣдено собаками. За развратную жизнь женщины подвергались такому же наказанію (хотя это прямо противорѣчитъ *корану*). 5) За убійство отрѣзывали ножомъ голову. Если же кто нибудь подозрѣвался въ убійствѣ и не хотѣлъ принять очистительной присяги—то присуждался къ уплатѣ *кума* въ размѣрѣ назначенномъ судьями. Если же приговоренный къ уплатѣ *куна* былъ не въ состояніи его внести, то уплата его замѣнялась равносстоящимъ трудомъ, въ пользу наследниковъ убитаго. (Управленіе г. Ташкентомъ при коканскомъ владычествѣ).

ки и слышащееся пѣніе говорятъ вамъ, что послѣдователи ордена джагриэ собрались на свое моленіе. Служба уже началась и молящіеся, какъ видно, пришли въ экстазъ. Схватившись другъ за друга, толкаясь и прыгая въ тѣсномъ кругу, они почти непрерывно издають однообразные крики, повторяя каждый крикъ до трехъ разъ *). Но осмотримъ сначала самую мечеть.

Большая высокая комната этой мечети поддерживается нѣсколькими рѣзными деревянными колоннами, къ которымъ привѣшены желѣзные подсвѣчники, видящіеся также кое-гдѣ и по стѣнамъ, въ которыхъ сдѣланы, въ два ряда ниши, куда правобѣрные складываютъ свои чапмы и кауши. Среди западной стѣны у *кыбле* помѣщается ишанъ, подъ руководствомъ котораго происходитъ моленіе. По правую руку отъ него сидятъ три или четыре *хафиза*, назначеніе которыхъ читать священные стихи корана, причемъ хафизъ кричитъ каждый стихъ что есть мочи, нагибаясь всѣмъ туловищемъ впередъ и приложивъ руки къ щекамъ. По обѣ стороны садятся въ кругъ молящіеся. За первымъ кругомъ образуется второй и т. д.; вся мечеть наполняется сидящими въ кругъ послѣдователями этого толка.

Какъ я уже упоминалъ, при нашемъ входѣ, толпа моельщиковъ, обнявшись другъ съ другомъ, толкаясь и подпрыгивая въ тактъ, медленно двигалась по мечети, испуская неистовые вопли. Но вотъ дикая пляска кончилась и моельщики, блѣдные съ усталыми, истомленными лицами начинаютъ усаживаться по своимъ мѣстамъ. Тѣло у многихъ конвульсивно подергивается, иныхъ даже начинаетъ мутить. Съ полузакрытыми глазами, крутя и качая головой, осматриваются они по сторонамъ, издавая по временамъ какое-то рычаніе.

Всталъ съ своего мѣста хафизъ и, закрывъ книгою лицо, началъ читать по одному стиху корана, повторяя каждую фразу по нѣсколько разъ. Порывисто наклоняется онъ всѣмъ туловищемъ впередъ, нагибается къ самому уху сосѣда и, тряся головой, во все горло выкрикиваетъ свои священные фразы. Рубашка на немъ вся смокла, жилы на шеѣ натянулись, тюпце уже не держится

*) Въ родѣ того кричатъ наши плотники, когда силится стащить съ мѣста бревно, они выкрикиваютъ: разъ, два, три — бери!

на мѣстѣ и отъ усиленныхъ движеній сползла съ его мокрой головы и упала на полъ.

Гдѣ-то послышался плачь и мгновенно распространился по всей мечети; многіе сарты всхлипываютъ, закрывъ глаза и качая головой, другіе рыдаютъ и, колотя себя въ грудь, по временамъ выкрикиваютъ «хакъ! хакъ! Посмотрите напримѣръ на этого усерднаго моельщика, сидящаго въ самой срединѣ круга. Все тѣло его поводятъ судороги, онъ колотитъ себя въ грудь, царапаетъ свою бритую голову и вдругъ подымается на колѣни и обѣими руками толкая въ шею сидящихъ впереди его сартовъ, падаетъ вмѣстѣ съ ними ницъ, неистовымъ голосомъ крича: ха-а-а-а-къ! На середину круга пробрался какой-то старикъ. Онъ давно уже изъявлялъ свой восторгъ, звучно хлопая ладонью по своему тѣлу, махая надъ головой руками и дѣлая множество самыхъ дикихъ и разнообразныхъ жестовъ. Теперь онъ, заложивъ руки за спину, согнувшись ходитъ по кругу и вдругъ, разставивъ ихъ въ стороны, началъ кружиться. Немного надо было, чтобы укачать истомленнаго уже старика и онъ спотыкаясь о колѣна моельщиковъ, вскорѣ пробрался опять на свое мѣсто. Вмѣсто него, на срединѣ круга, появляется съ особеннымъ усердіемъ юродствовавший сартъ. Разставивъ руки, онъ начинаетъ быстро кружиться на одномъ мѣстѣ. Всѣ его члены дрожатъ, руки принимаютъ самыя неестественныя положенія; мутные полузакрытые глаза его, кажется, ничего не видятъ. Онъ уже не кричитъ молитвенный возгласъ «хакъ!» а издаетъ одни только гортанные звуки. Въ изступленіи бросается онъ на хафиза и, схвативъ его за руки, тянетъ въ кругъ вертѣться, но тотъ, отбиваясь отъ него, продолжаетъ выкрикивать священные фразы. Наконецъ, онъ бросается на полъ, гдѣ дрожа и корчась пролежитъ такъ до самаго конца моленія.

Уже три раза хафизы смѣняли одинъ другаго и во все время ихъ чтенія, присутствующіе гладили себя по бородѣ и щекамъ и издавали разные зикры (возгласы). Наконецъ, въ концѣ перваго часа, служба заключилась молитвой, которую прочелъ сидѣвшій у главной ниши ишанъ и довольно стройнымъ и гармоническимъ пѣніемъ всѣхъ присутствующихъ, прерываемымъ по временамъ зикромъ «хейй!» Напѣвъ этого хора похожъ нѣсколько на католи-

ческий и посабъ рѣзкихъ завываній хафизовъ и всѣхъ участниковъ, пріятно успокаиваетъ слухъ.

Я васъ свелъ въ мечеть Ходжа-Ахраръ-Вали, въ надеждѣ, что вы не брюзгливы и не нервны; если-же вы за себя не ручаетесь, то лучше и не ходите на зикры джагрие. Узкія, рѣшетчатая окна мечети пропускаютъ мало свѣта и воздуха, а открытыя двери заслонены толпящимися у входа сартами. Удушливый воздухъ пропитанъ испареніями отъ множества вспотѣвшихъ тѣлъ; прибавьте къ этому еще вонь отъ кунжутнаго масла, которой пропитанъ каждый сартъ и все его платье и которую онъ по этому случаю вноситъ всюду, куда только покажется, и если вы думаете, что всего этого нервы ваши не выдержатъ — то лучше и не ходите.

ГЛАВА V.

Сартовскія томани.—Встрѣча гостей звуками корнай.—Его мирное и военное назначеніе.—Гостепримство сартовъ; оркестры и пляски бачей.—Отчужденность женщины; ихъ кокетство и косметическія средства.—Некрасивый костюмъ и скрывающія лицо сѣтки.—Домашній костюмъ сартянокъ.

Если вы находитесь въ Ташкентѣ уже нѣсколько времени, то у васъ непременно есть знакомый сартъ, который за небольшой *силау* (барышь, подачка, подарокъ) поставяетъ для васъ дрова, молоко и проч. Иногда онъ просто заходитъ къ вамъ узнать, не надо ли чего нибудь, а то такъ поболтать. Если у него по какому нибудь случаю праздникъ, то онъ непременно пригласитъ на него своихъ знакомыхъ изъ русскихъ. Въ одно утро, напримѣръ, вы увидите знакомаго сарта, подѣзжающаго верхомъ къ воротамъ вашего дома. По его широко наверхенной чалмѣ, франтовски опущенной на одно ухо, новому громко шуршащему халату, надѣтому на другой, опоясанный широкимъ, толстымъ поясомъ, видно, что онъ пріѣхалъ не просто. Дѣйствительно, съ первыхъ же словъ онъ прямо приступаетъ къ цѣли своего посѣщенія. «Завтра моя свадьба» объявляетъ онъ вамъ. «Ходи ко мнѣ пожалуста; барынь свою тащи». — А много у тебя будутъ? — «Много. Я всѣхъ звалъ;» онъ перечислилъ нѣсколько русскихъ фамилій. «У

меня большой томаша будетъ. Два *корнайчи* будутъ, музыка будетъ; сартъ двѣсти, больше будетъ». — А жену-то свою будущую ты видѣлъ? что она хорошенькая? перебиваете вы расхваставшагося сарта. «Я не не видалъ; *минеке* (моя) мамаша видалъ; у насъ такой законъ, нельзя смотрѣть. Мамаша хвалить, говорить волосъ черный, глазъ черный, красивъ говорить». — А можетъ твоя мамаша не разсмотрѣла, поддразниваете вы его. «Нѣтъ, мой мамаша бѣда какой хитрый, сейчасъ поймалъ ее и посмотрѣлъ». — Да развѣ невѣста бѣгала отъ нее? — «Бѣгала», подтвердилъ онъ съ убѣжденіемъ, что иначе и быть не могло.

На другой день вы подѣзжаете къ дому, гдѣ происходитъ свадьба, или вѣрнѣе мальчишникъ. Васъ встрѣчаетъ сартъ, провожающій васъ до самой калитки, черезъ которую вы входите на дворъ, устланный коврами и освѣщенный множествомъ фонарей и сальныхъ свѣчъ воткнутыхъ вмѣсто подсвѣчниковъ въ комки глины. Это мужская половина дома (ташкери). Черезъ раздающуюся передъ вами толпу, входите вы на террасу дома, гдѣ за накрытымъ столомъ поставлены табуреты и буковые стулья для русскихъ. Ствариновыя свѣчи, въ широкихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, часто разставлены по столу и хорошо освѣщаютъ какъ террасу, такъ и находящихся тамъ гостей. Тотчасъ же при нашемъ входѣ, начинаютъ трубить въ *корнай* *), причѣмъ въ знакъ особаго почета, она наводится прямо на васъ. На ступенькахъ террасы и другихъ возвышеніяхъ сидятъ приглашенные сарты, а на другой сторонѣ двора, противъ нея помѣщается хоръ музыки. Однихъ барабановъ (*ногарра*) и бубенъ (*чирманда*), въ этомъ оркестрѣ двѣ дюжины, кромѣ того четыре *сурнай* **) и двѣ

*) Саженная труба, въ родѣ нашей свирѣли, но съ значительно болѣе широкимъ отверстіемъ на концѣ, имѣющимъ форму стакана. Издастъ одинъ только громкіе, однообразные звуки. Играющій на этомъ инструментѣ называется *корнайчи*. Этотъ, въ настоящее время мирный музыкальный инструментъ, въ прежнее время, да и теперь въ независимыхъ ханствахъ, служитъ боевой трубой; именно *корнайчи*, выслѣдивъ удачный моментъ для нападенія — трубятъ, что и служатъ сигналомъ, что въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ, слѣдуетъ произвести нападеніе.

**) Небольшая дудка, въ родѣ гобоя. — Вообще сарты, какъ и всѣ средне-азіатцы, народъ не музыкальный; большую часть ихъ оркестровъ составляютъ барабаны и бубны. Бубны еще куда ни шло, такіе же какъ бывають обыкновенно; но барабаны, самаго первобытнаго устройства. Это просто глиняные

корнай. Кругомъ всего двора, около стѣнъ сидятъ жители того махалле, въ которомъ живетъ хозяинъ томаши. Имъ предстоитъ трудная работа, такъ какъ вы видите у каждаго въ рукахъ по двѣ, гладко обструганныхъ досочки, которыми они должны, во все время праздника, выбивать тактъ. По серединѣ двора прохаживаются два сарта, съ засунутыми за пазуху палками. Это дирижеры. Они слѣдятъ за тѣмъ, чтобы всѣ, кому розданы досочки, били бы тактъ, подають сигналъ, когда надо публикѣ выражать свой восторгъ крикомъ: э-э-э!.. *) Отпихиваютъ этими же палками народъ, тѣснящійся у калитки и по крышамъ окружающихъ дворъ построекъ, а въ свободное время, засунувъ палку за пазуху, и сами аккомпанируютъ музыкѣ, ударяя ладонь о ладонь. Такому дирижеру платятъ 5 тенегъ (1 р.). Съ лѣвой стороны оркестра сидитъ нѣсколько смѣнъ нанятыхъ для танцевъ бачей, въ новыхъ шелковыхъ халатахъ и тюбетейкахъ. Передъ каждымъ изъ нихъ поставлено, на полу, по толстой свѣчкѣ въ широкомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

горшки, обтянутые кожей. Не имѣя ни голоса, ни порочныхъ напѣвовъ, сарты выкрикиваютъ свои пѣсни самымъ дикимъ и неприятнымъ голосомъ. Послушайте какого нибудь сарта, возвращающагося съ базара, когда онъ, сидя на арбѣ, поетъ свою пѣсню. Съ перваго раза вы подумаете, что онъ просто кричитъ то, что придетъ въ голову. Но вотъ ѣдетъ другой и вы убѣждаетесь, что это пѣсня; и тотъ точно также, во все горло, выкрикиваетъ тотъ же самый мотивъ. Одинъ только и есть мотивъ, имѣющій хоть какую нибудь музыкальность, это военный маршъ, весьма распространенный въ Средней Азии. Онъ походитъ на одно изъ мѣстъ персидскаго марша Страуса. Въ Ташкентѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ марша Алимкула, бывшаго правителемъ Ташкентскаго округа и убитаго при штурмѣ этого города.

Вотъ нѣсколько стиховъ этого марша съ его подстрочнымъ переводомъ:

Сымъ, сымъ дайду	Зарра гнохъ мандá бульсá
„Сымъ“ прибавка для размѣра стиха.	небольшой грѣхъ если совершу
„Дайду“ мѣдная проволока.	Клычъ буй нимдá
Сымъ, сымъ дайду	шашкой по шеѣ будутъ рубить.
Сымъ, сымъ койнимдá	—

за пазуху положишь

Т. е. положить за пазуху (украсть) мѣдную проволоку, небольшой грѣхъ (но и за него) если совершу, (то) слѣдуетъ шашкой отрубить голову.

*) Этотъ сигналъ онъ подаетъ слѣдующимъ образомъ. Когда наступитъ время для выраженія восторга, т. е. когда бача начнетъ кружиться, дирижеръ бѣгаетъ вокругъ двора, крича и махая палкой, а подчасъ и огрѣветъ ею зазѣвавшагося гостя. Не ѣшь молъ даромъ полау, а пришелъ, такъ и справляя свою службу.

Откуда-то съ конца двора, направляется къ вамъ цѣлая процессія съ подносами, на которыхъ разставлены стаканы съ чаемъ и разложены: виноградъ, фисташки, миндальные орѣхи, куски дынь и арбуза, персики, груши и проч. фрукты. Сопровождающій подносы хозяинъ, замѣтя, что вы мало ѣдите, беретъ грушу и очистивъ рѣжетъ ее на куски и подаетъ вамъ на своей ладони. Не желая обидѣть хозяина, вы съѣдаете одинъ кусочекъ и кладете остальные передъ собою. Не думайте, что на васъ не обращаютъ вниманія, за вами зорко слѣдятъ и видя, что вы не берете фисташекъ, кто нибудь изъ близкихъ хозяина беретъ съ вашего подноса горсть и, нащелкавъ ихъ зубами и уложивъ на ладонь, съ поклономъ кладетъ передъ вами.

Между тѣмъ къ музыкантамъ пронесли жаровни съ угольями для нагрѣванія бубенъ. Сурнайчи и барабанщики понемногу играютъ на своихъ инструментахъ. По временамъ громкіе звуки корнай возвѣщаютъ о приходѣ новыхъ гостей. Принесли чилимъ и въ воздухѣ понеслись клубы удушливаго, сладковатаго дыма; это наши, который положенъ вмѣстѣ съ табакомъ въ трубку.

Наконецъ, послышалась дробь бубенъ и барабановъ, сурнайчи заиграли свои унылые напѣвы и раздакъ оглушительный аккомпанементъ деревяшекъ, про которыя я упоминалъ выше. Одинъ изъ бачей, переодѣвшись въ женскій костюмъ, вышелъ на середину и сталъ лицомъ къ музыкантамъ. Изъ подъ его тюпне разсыпались по плечамъ двѣ густыя косы, подъ пестрымъ шелковымъ халатомъ виднѣется красная рубашка и такіе-же шальвары. Уже давно одинъ изъ бубенщиковъ, привставъ на колѣни и продолжая выбивать дробь, зажмуривъ глаза, напѣваетъ что-то такое; но бача все еще стоитъ на мѣстѣ и, только поднявъ руки, слегка хлопаетъ ими въ тактъ. По временамъ онъ смотритъ на окружающихъ и переступаетъ съ ноги на ногу. Но вотъ пѣвшаго, или скорѣе кричавшаго бубенщика смѣняетъ другой. Нагнувшись къ уху своего товарища, онъ еще неистовѣе кричитъ что-то такое. Мало по малу темпъ ускоряется и бача, продолжая хлопать ладонь о ладонь и дѣлая босыми ногами на въ родѣ нашей русской пляски, тихо обходитъ кругъ и опять останавливается передъ музыкантами. Быстрѣе и быстрѣе выбивается дробь, сильнѣе кричатъ оба бубенщика и наконецъ издають языкомъ нѣчто въ родѣ

трели. Соразмѣрно темпу музыки и движенія бачи дѣлаются все живѣе и вдругъ онъ начинаетъ быстро кружиться на одной ногѣ. Оборвалась дробь, перестала гремѣть музыка и бача медленно покружившись въ другую сторону, останавливается передъ музыкантами.

Немного погодя, подъ звуки оркестра, бача вторично началъ обходить кругъ. Плечо его вздрагиваетъ, поднятая къверху рука мѣрно колышется, но лицо остается совершенно спокойно, и только виднѣющіяся на немъ капли пота говорятъ, что круженіе на одной ногѣ даетъ ему себя знать. Опять учащается темпъ, опять движенія бачи дѣлаются живѣе. Одинъ изъ сартовъ отвязалъ отъ пояса платокъ и вставши ждетъ, когда мимо него пройдетъ бача, чтобъ вытереть ему съ лица потъ. Едва онъ это кончилъ какъ раздалась трель; сидящіе вокругъ сарты учащенно захлопали деревяшками и бача началъ опять вертѣться на одной ногѣ. Еще долѣе прежняго кружится онъ, тубетейка слѣзла ему на глаза, разметавшіяся косы бьютъ его по лицу, кажется вотъ, вотъ онъ упадетъ; но едва перестаетъ трель, онъ мгновенно останавливается и опять тихо покружившись въ другую сторону, подходитъ къ одному изъ сартовъ. Онъ замѣтилъ, что тотъ давно уже всталъ и согнувшись протягиваетъ ему чилимъ и чашку съ чаемъ. Молча, съ совершенно безстрастнымъ лицомъ затягивается бача чилимомъ и отпивъ чаю идетъ на свое мѣсто. Между тѣмъ музыканты успѣли перевести духъ, а бубенщики, подогрѣвъ на жаровнѣ бубны, начали снова что-то наигрывать, выбивая тактъ дробью. Бача стоитъ передъ ними. Одна рука его поднята къверху, а другой онъ подперся въ бокъ; все тѣло его начинаетъ вздрагивать и онъ въ третій разъ обойдя кругъ, становится на колѣни передъ музыкантами. Медленно гладитъ онъ свои косы, плавно и не безъ граціи колышетъ онъ руками, нагибая на бокъ туловище и закинувъ назадъ голову — и вдругъ начинаетъ кружиться. Быстро вальсируетъ онъ на колѣняхъ по кругу, придерживая руками полы халата. Музыканты выходятъ изъ себя. Голоса пѣвцовъ безпрестанно срываются. Они уже не сидятъ, а вставши на колѣни и вытянувъ шею, бубенщики нагнулись другъ къ другу и во все горло выдѣлываютъ быструю трель. А бача все кружится на колѣняхъ. Нѣсколько рукъ съ платками и чашками чая протягиваются къ нему. Но вотъ послѣдняя хрипая нота пронеслась изъ

оркестра, музыканты смолкли, и бача, медленно окинувъ глазами кругъ гостей, выбираетъ двухъ, которыхъ онъ осчастлививаетъ тѣмъ, что вынимаетъ ихъ чай и позволяетъ вытереть платкомъ свое лицо.

Едва кончилъ этотъ бача свой танецъ, какъ на смѣну ему выходитъ другой и начинаетъ продѣлывать то же самое. Такъ повторяется пляска всю ночь до утра.

Если вы видѣли разъ пляску бачей — вы видѣли всѣ сартовскія увеселенія, которыя производятся въ домахъ. Разница только въ количествѣ угощенія и музыкантовъ. Но какъ ни однообразны подобныя развлеченія, сартянки часто лишены и этихъ удовольствій. Почти совершенно отдѣленные отъ мужскаго общества, онѣ живутъ на своихъ половинахъ (*шукери*), какъ въ монастыряхъ *); и несмотря на то онѣ всетаки не лишены охоты покетничать. Косметическія средства въ большомъ ходу у сартиномъ; кромѣ упы (свицовой бѣлила) и *эйликъ* (красная вата, употребляемая какъ румяна), у нихъ въ большомъ ходу усма и сурьма, служащая для черненія бровей и вѣкъ, причемъ инны соединяютъ обѣ брови черной полосой, что считается однимъ изъ украшеній женщинъ. Сартянки окрашиваютъ также ногти въ красно-желтый цвѣтъ; последнее они до того любятъ, что красятъ даже ногти на ногахъ **).

Трудно судить о стройности и красотѣ азіатскихъ женщинъ, такъ какъ нельзя разсмотрѣть лица сквозь постоянно опущенную, черную волосяную сѣтку; но судя по ихъ походкѣ, онѣ не должны быть граціозны. Въ масахъ и каушахъ, въ накинутахъ на голову, почти всегда синемъ халатѣ (*паранджи*), съ закинутыми назадъ и сшитыми вмѣстѣ рукавами, съ широкой и грубой волосяной сѣткой на лицѣ (*чашуанъ*), она движется по улицѣ и вы видите только, какъ мелькаютъ изъ подъ халата пятки довольно большихъ каушъ. Въ своемъ костюмѣ онѣ похожи болѣе на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей. Впрочемъ, тѣ сартянки, которыхъ видятъ

*) Я говорю почти, потому что и онѣ присутствуютъ на томашахъ, но тогда уже входятъ русскимъ закрытъ. Обыкновенно при такихъ томашахъ женщины занимаютъ одну сторону двора, тогда какъ мужчины занимаютъ другую. Инны при этомъ, откинувъ сѣтку, прикрываются рукою или рукавомъ, дѣлая это такъ, что тѣ, кому слѣдуетъ, всегда увидятъ и взглядъ брошенный на нихъ и улыбку.

***) Турк. Вѣд. 1871 г. № 47.

русскіе ходящими по городу, принадлежать къ простому классу (*бухара*); да и то сарты про женщинъ, ходящихъ на базаръ въ русскій городъ, выражаются, что это *яманъ марджа* (дурная женщина). Съ открытыми же лицами ѣздятъ по городу только проститутки. Не говоря уже про женщинъ изъ рода ходжей, но болѣе или менѣе порядочная женщина-бухара, однимъ словомъ всё кому только есть кого послать на базаръ за покупкой, не пойдутъ въ публичное мѣсто, какъ базаръ и т. п. Вслѣдствіе такой замкнутости азіятскихъ женщинъ трудно судить о ихъ красотѣ и выражая выше о нихъ свои сужденія, я имѣлъ въ виду только тѣхъ сартинокъ, которыхъ можно видѣть въ городѣ.

Домашній костюмъ сартинокъ состоитъ изъ панталонъ, сшитыхъ по большей части изъ красной или другаго яркаго цвѣта матеріи и отличающихся отъ мужскихъ тѣмъ, что внизу они очень узки и плотно обхватываютъ ноги у ступней и длинной, по шиколодки, широкой и не опоясанной рубашки (*куйнекъ*), поверхъ которой надѣваютъ камзолъ, спускающійся немного ниже колѣнъ. Голову онѣ повязываютъ платкомъ, складывая его для этого косынкой, которую, накинувъ на голову и спустивъ нѣсколько на лобъ, завязываютъ на затылкѣ, за два боковые конца; такимъ образомъ получается нѣчто въ родѣ шапки съ тремя длинными концами назадъ. Дѣвушки и молодыя вдовы заплетаютъ волосы въ пять косъ (*бишиз-какуль*), замужнія же, разрѣшившись первымъ ребенкомъ, носятъ только двѣ косы (*джуанъ*). Какъ тѣ, такъ и другія вплетаютъ въ концы косъ бусы, кораллы и проч.

ГЛАВА VI.

Взглядъ Магомета на среднеазіятскую женщину и ея права.

Я упомянулъ выше, что азіятскія женщины отдѣлены отъ мужчинъ. Эта-то самая замкнутость жизни и несообщительность азіятцевъ, чуть только дѣло коснется до его домашняго очага, не даютъ почти никакой возможности проникнуть въ его семейный бытъ наблюдателю, почему и привыкли считать среднеазіятскую женщину жертвой деспотизма и думать, что она находится у мужа скорѣй наложницей, чѣмъ подругой жизни. Оно такъ и кажется

съ перваго взгляда. Живутъ они съ мужемъ въ разныхъ сакляхъ, часто не видятся между собой по цѣлымъ днямъ, женщины у сартовъ исполняютъ всё домашнія работы; все шитье для дома также лежитъ на нихъ и кромѣ того онѣ должны найти время для вышиванія и другихъ подѣлокъ, чтобъ заработать нѣкоторую сумму для исполненія своихъ прихотей *). Но если разобрать поглубже, то увидишь, что среднеазіятскія женщины далеко не составляютъ такой отчужденной и отверженной касты, какою онѣ кажутся съ перваго взгляда. Начиная съ того, что кажущаяся холодность мужей и ихъ уходы изъ дому на цѣлые дни объясняются торговымъ интересомъ сартовъ, которые, какъ и всё подобные люди, въ интересахъ своей семьи, должны совершать частыя и продолжительныя отлучки изъ дому. Я не говорю о тѣхъ мужьяхъ, которые пропадаютъ по базарамъ и вукнаръ-ханамъ, такихъ мужей можно найти въ любой части свѣта и слѣдовательно ихъ отношенія къ семьѣ нельзя выставлять какъ характеристику лицъ Средней-Азій. Да и у насъ, въ Россіи, много ли можно найти такихъ мужей, которые могли бы сидѣть съ своими женами? Наши купцы точно также, или ѣздятъ по ярмаркамъ, или просиживаютъ цѣлые дни на рынкахъ и въ лавкахъ. Крестьяне тоже или въ полѣ, или на заработкахъ, а между тѣмъ никто не считаетъ вслѣдствіе того русскихъ женщинъ несчастными. Туземныхъ женщинъ жалѣютъ, что онѣ завалены работой, утверждая, что мужья смотрятъ на нихъ какъ на рабочихъ воловъ, на которыхъ, что ни вали, они все вывезутъ. Правда, что на азіятскихъ женщинахъ лежитъ все хозяйство дома и всё домашнія работы; но развѣ у другихъ, не азіятскихъ, народовъ жены сидятъ сложа руки? развѣ на нихъ не лежитъ весь домъ, а часто и совершенно мужскія работы? — Считать же азіятскихъ женщинъ безправными существами и на этомъ основывать свои сожалѣнія и подавно нельзя. Въ коранѣ,

*) Я говорю прихотей, потому, что полное содержаніе женъ лежитъ на обязанности мужа и жена по мусульманскимъ законамъ, нисколько не обязана трудомъ своими зарабатывать что либо въ пользу домашняго хозяйства. Всѣ расходы по содержанію, помѣщенію, равно какъ и количество казима соразмѣряется съ состояніемъ мужа и должны соответствовать размѣрамъ существующимъ согласно обычаямъ того края, въ которомъ совершается бракъ. (Мусульманское право, барона Ториау).

этой основѣ мусульманскихъ законовъ, ей отведено довольно приличное мѣсто, гдѣ высказаны ея права достаточно подробно. Объ нихъ-то я и намѣренъ поговорить въ этой главѣ. Сначала я упомяну все, что говорится въ коранѣ вообще про женщину, затѣмъ ея обязанности относительно вѣрности мужу, случаи и права во время развода и, наконецъ, права на наследство.

Взглядъ, который Магометъ имѣлъ на женщину и который онъ передалъ въ назиданіе потомству, далеко не похожъ на взглядъ какъ на рабу *). Правда, онъ признаетъ женщинъ за существа низшія чѣмъ мужчины и которыя, какъ онъ выражается, величаются своими уборами и украшеніями и всегда готовы спорить безъ основанія **); но не надо забывать, что Магометъ писалъ коранъ для арабовъ, а тѣ смотрѣли на рожденіе дочери какъ на величайшее несчастіе и, во избѣжаніе срама, часто закапывали ее живою. Поэтому-то Магометъ, упоминая, что арабы считаютъ ангеловъ дочерьми Бога, говоритъ: «Они приписываютъ Богу дочерей. Слава Ему ***). Они не желаютъ этого (срама) и для самихъ себя» ****) т. е. другими словами: даютъ Богу то, отчего сами готовы отдѣлаться самымъ жестокимъ образомъ. Вѣроятно, это самое мѣсто корана и послужило поводомъ къ тому, что у мусульманъ, до сихъ поръ, при рожденіи дочери не бываетъ никакихъ особенныхъ празднествъ и даже бабка не получаетъ отъ отца подарокъ. Въ слѣдующихъ стихахъ XVI главы, Магометъ, доказывая, какъ несообразно такое воззрѣніе на Бога, приводитъ въ примѣръ араба,

*) Не только коранъ, въ которомъ главная цѣль законовъ о правахъ наследства и брака состоитъ въ установленіи правъ женщинъ и въ огражденіи произвола мужа, но и изреченія и дѣйствія Магомета доказываютъ постоянное стремленіе его къ улучшенію положенія женщинъ. Такъ напр. женщина, вступая въ бракъ, подчиняетъ себя власти мужа, почему для заключенія брака, или даже помолвки, требуется согласіе невесты, если она совершеннолѣтняя; если же дѣвушка еще малолѣтняя и бракъ заключенъ съ согласіемъ ея опекуна, то по достиженіи совершеннолѣтія она можетъ отказаться отъ своего мужа и въ такомъ случаѣ бракъ расторгается. Даже при выдачѣ замужъ малолѣтней дочери ея отцомъ, произволъ съ его стороны ограниченъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ, что мать можетъ не дать своего согласія на бракъ. (Мусульм. право барона Торнау).

***) Сура XVI—59.

****) Выраженіе «Слава Ему!» употребляется всегда, когда высказано о Богѣ какое нибудь странное мнѣніе, или Его порицаніе.

*****) Сура XLIII—17.

которому объявлено о рожденіи дочери и говорить, что «лицо его помрачается и онъ дѣлается какъ бы пораженнымъ горестію». Онъ причется отъ своихъ, по причинѣ новаго несчастія. Долженъ ли онъ сохранить ее и подвергнуться стыду, или похоронить въ песокъ». Но тутъ же, не сочувствуя этому обыкновенію, онъ прибавляетъ: «Какъ не разсудительны ихъ мнѣнія!»

Отдавъ такимъ образомъ дань народному взгляду того времени на женщинъ, Магометъ начинаетъ проводить на нихъ болѣе свѣтлый взглядъ и въ четвертой сурѣ корана говорить о ней какъ о подругѣ, а въ концѣ перваго стиха этой главы совѣтуетъ уважать матерей, говоря: «уважайте утробы, которыя васъ носили», что конечно не могло бы быть при арабскомъ взглядѣ на женщинъ *). Нигдѣ въ коранѣ онъ не сравниваетъ женъ съ рабынями, а тѣмъ болѣе не называетъ ихъ этимъ именемъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и простираетъ власть мужа надъ женой до права бить послѣднюю; но и то упоминаетъ это какъ послѣднее средство, когда уже, какъ говорится, ничего не беретъ. Такъ въ четвертой главѣ, говоря про добродѣтельныхъ женщинъ, онъ высказываетъ, что онѣ должны быть покорны и послушны и быть очень осторожны въ отсутствіи мужа, относительно своей нравственности, чтобы не дать повода злословить о себѣ, а также сохранять вѣренное имъ имущество. Въ противномъ же случаѣ Магометъ совѣтуетъ вразумлять ихъ выговорами, отдаленіемъ на нѣкоторое время отъ своего ложа и наконецъ уже бить **). Нельзя и осуждать его строго за эту фразу, напротивъ если принять въ расчетъ нравы того времени, когда она была сказана, то нельзя не подивиться его гуманности. Гораздо строже относится Магометъ къ случаямъ доказанной невѣрности женъ. При этихъ обстоятельствахъ онъ велитъ запираеть ихъ дома, пока онѣ не умрутъ, но при этомъ

*) Относительно уваженія къ родителямъ, оказыванія имъ почтенія, содержанія и пропитанія ихъ, когда они въ бѣдности, мусульманскія законы распространяютъ эту обязанность со стороны внуковъ на дѣда и на бабку. (Мусульманск. право, барона Торнау).

***) Халиль-Ибне-Исхакъ прибавляетъ къ тому: «чтобы однако тѣлесное наказаніе не причинило увѣчья и ранъ; въ послѣднемъ случаѣ женѣ предоставляется жаловаться казію, который съ своей стороны налагаетъ на мужа наказаніе за подобное дѣйствіе. (Мусульм., право барона Торнау).

требуетъ свидѣтельства четырехъ лицъ противъ преступной жены и чтобы показанія этихъ четырехъ лицъ были совершенно согласны между собою. Въ огражденіе же женщины отъ ложнаго обвиненія, онъ налагаетъ наказаніе на того, кто, обвинивъ ее въ невѣрности мужу, не будетъ въ состояніи представить четырехъ свидѣтелей. Такому обвинителю онъ предлагаетъ поклясться четыре раза въ томъ, что онъ говоритъ правду и пятый разъ — призывая на себя проклятіе въ случаѣ ложнаго свидѣтельства *). Если же онъ этого сдѣлать не можетъ, то Магометъ совѣтуетъ такому обвинителю дать 80 ударовъ и не принимать болѣе его свидѣтельства въ чемъ бы то ни было. Подобную клятву слѣдуетъ принимать осторожно и только отъ лицъ заслуживающихъ довѣрія, иначе можетъ случиться, что и обвинитель и обвиненная дадутъ подобныя клятвы, такъ какъ очистительную присягу Магометъ допускаетъ и для женщинъ **); онъ говоритъ, «чтобъ не назначать женѣ никакого наказанія, если она поклянется передъ Богомъ пять разъ; четыре раза въ томъ, что мужъ ея солгалъ на нее, а въ пятый, призывая на себя гнѣвъ Божій, если мужъ сказалъ правду, а она дала ложную клятву».

Развратнымъ женщинамъ Магометъ дозволяетъ вступать въ бракъ только съ мужьями такого же сорта или съ язычниками; но онъ говоритъ это только про тѣхъ, которыя развратничаютъ изъ любви къ разврату, а не по принужденію. Послѣднихъ онъ рѣзко выдѣляетъ, говоря: «если кто нибудь заставитъ женщину развратничать для того, чтобъ собирать (самому) за это деньги, то Богъ проститъ имъ за принужденіе» ***).

Восточные жители народъ страстный, почему имъ и дозволено, для удовлетворенія своихъ потребностей, имѣть по нѣсколько женъ; и по этой же причинѣ, чтобъ облегчить женщинамъ сохранить свою правственность и по возможности оградить ихъ отъ преслѣдованія мужчинъ, кораномъ установленъ покрывъ верхняго платья (паранджи), скрывающій всѣ ихъ формы. Халатъ этотъ онъ обязанъ носить накинутымъ на голову и имѣя руки подъ

*) Сура XXIV—6, 7.

**) Тамъ-же—8, 9.

***) Тамъ-же—33.

нимъ, спрятанными. Отъ темени на лицо и грудь, какъ уже было упомянуто раньше, должна спускаться черная волосяная сѣтка, подъ которой нельзя различить черты лица. Никакія украшенія, кромѣ наружныхъ, т. е. находящихся на верхнемъ халатѣ, не должны быть видны прохожимъ и всѣмъ лицамъ, не поименованнымъ въ коранѣ. Только мужья, отцы, отцы мужей, сыновья, или сыновья ихъ мужей (хотя бы и отъ другой жены), родные братья, родные племянники, ихъ жены, свои невольники, слуги мужчинъ, которые не нуждаются въ женщинахъ и дѣти, незнающія еще различіе половъ, могутъ видѣть женщину безъ чашуана и надѣтыя на ней украшенія *). Закутанныя такимъ образомъ съ головы до ногъ въ синіе или сѣрые халаты, онѣ скорѣе похожи на муміи и врядъ ли способны возбудить страсть въ прохожихъ. Даже пожилыя и старухи **) и тѣ не должны раскрываться такъ, чтобъ были видны ихъ украшенія.

Сознавая, что жизнь между опротивѣвшими другъ другу, по какому нибудь случаю, супругами не жизнь, а каторга, Магометъ допустилъ разводъ, но при этомъ ввелъ три степени развода, изъ которыхъ двѣ служатъ, такъ сказать, испытаніемъ для лицъ, желающихъ развестись, точно ли они твердо рѣшились на это; поэтому при двухъ первыхъ степеняхъ развода, мужъ во всякое время можетъ снова взять жену въ домъ и продолжать жить съ нею по прежнему. Это, такъ сказать, ничто иное какъ болѣе продолжительное отлученіе жены отъ ложа, выраженное въ IV сурѣ корана. Но и при подобныхъ обстоятельствахъ Магометъ учитъ беречь свою жену, обходиться съ нею честно и отсылать (въ домъ отца) съ благородствомъ, не дозволяя себѣ удерживать изъ ея имущества то, что ей дано ***). Если вы только не боитесь, что

*) Сура XXIV—31. У мусульманъ есть изреченіе, въ которомъ говорится что „презрѣбннѣ глазами преступнѣе презрѣбннѣ дѣйствіями“. Вотъ почему въ азіатскомъ городѣ васъ не пустятъ на крышу медресе, прежде чѣмъ одинъ изъ служащихъ не прокричитъ съ крыши, чтобъ всѣ женщины окрестныхъ сакель спрятались въ своихъ домахъ. На этомъ же основаніи если сартъ истрѣтитъ какъ нибудь порядочную женщину безъ покрывала, то самъ закроетъ голову халатомъ.

**) Въ коранѣ сказано: „женщины, которыя болѣе не родятъ, и не надѣются болѣе выдти замужъ“.

***) Въ случаѣ развода, инициатива котораго принадлежитъ мужу, жена можетъ требовать немедленно выдачи своего приданаго. Этимъ азіатскія женщины

нарушили границы Божии, живя съ нею, говорится въ коранѣ, если же вы нарушили, то лучше пусть жена совсѣмъ принесетъ для себя выкупъ. Все таки Магометъ совѣтуетъ не приступать прямо къ полному разводу, ранѣе четырехъ мѣсяцевъ, чтобы дать время одуматься и не развестись по пустякамъ. Въ продолженіи этого времени, коранъ указываетъ не препятствовать готовящимся развестись супругамъ, въ случаѣ обоюднаго согласія, возобновлять свои прежнія отношенія *). Затѣмъ если кто рѣшился отвергнуть жену хотя и на неполный разводъ, то обязанъ выждать срокъ трехъ полныхъ очищеній, для того, чтобы увѣриться, что отвергаемая жена не беременна. До этого времени никто не можетъ выгнать жену изъ своего дома, если только въ это время она не окажется виновной въ прелюбодѣяннн. Даже въ отношеніи такихъ, которыя по причинѣ своего возраста не могутъ надѣяться забеременить, или по молодости лѣтъ не имѣютъ еще очищеній, обязательенъ этотъ трехмѣсячный срокъ. Если же отвергаемая жена окажется беременною, то мужъ обязанъ ждать, пока она разрѣшится, а въ продолженіи этого времени угождать и успокаивать ее; стараясь предвидѣть ея нужды. До наступленія же времени отсылки отвергаемыхъ женъ, коранъ предписываетъ держать ихъ у себя въ домѣ сообразно съ средствами каждаго; не помѣщать ихъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, чтобы не причинить имъ безпокойства и если отлучаемая жена кормитъ ребенка, то платить ей за это, такъ какъ она въ это время дѣлается уже постороннею въ домѣ и услугами ея слѣдуетъ пользоваться какъ услугами наемной жен-

ограждена отъ произвола мужей относительно развода; такъ какъ по мусульманскому праву мужъ можетъ просить развода безъ объявленія побуждающихъ его къ этому причинъ. (Мусульманское право, барона Торнау).

Белли, въ своемъ „Digest of Mohammedan law. 1865 г.“ опредѣляетъ согласно мусульманскимъ законамъ, говорится въ томъ же изданіи, отношенія между супругами касательно приданого и обязанности содержанія женъ, слѣдующими словами: право на приданое противопоставляется праву на супружеское сожитіе, а право на содержаніе — праву требованія исполненія супружескихъ обязанностей. Т. е. въ случаѣ невдачи или неназначенія калыма жена можетъ отказать мужу въ супружескомъ сожитіи; въ случаѣ же неисполненія женою супружескихъ обязанностей, мужъ не обязанъ давать ей средства на содержаніе и пропитаніе.

***) II—226, 232 и LXV—2.

щины. Если отецъ пожелаетъ, то разведенная мать должна откормить ребенка полныхъ два года. Въ это время отецъ ребенка долженъ доставлять ей все необходимое для нихъ обоихъ и вообще содержать ихъ сообразно своему состоянію. Въ случаѣ смерти отца, обязанность исполнять всѣ эти требованія падаетъ на его наследника.

При полномъ разводѣ, сдѣланномъ съ перваго раза, или кто разводится съ женою третій разъ, то не въ правѣ вернуть ее обратно до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ за другого, и тотъ въ свою очередь не разведется съ нею, или пока она, вышедши замужъ—не овдовѣетъ. Во всякомъ случаѣ разведенныя женщины, до выхода своего замужъ, должны выждать не менѣе трехъ очищеній.

Далѣе въ коранѣ разбираются случаи, когда мужъ можетъ отказаться отъ своей жены. Подобныхъ случаевъ тамъ разбирается два: 1) когда мужъ отвергаетъ жену прежде сожительства съ нею и не назначивъ еще ей приданого и 2) подобный же первому, но когда калымъ уже назначенъ. Въ первомъ случаѣ Магометъ предписываетъ дать отвергнутой необходимое, по своему состоянію (неустойку въ договорѣ), а во второмъ она въ правѣ сохранить половину калыма, если отъ него не откажутся совершенно, она или тотъ, кто, по выраженію корана, соединилъ узелъ супружества. Последнее, прибавляетъ Магометъ, сообразнѣе съ благочестіемъ. Для поясненія того обстоятельства, какимъ образомъ можетъ случиться разводъ между мужемъ и женою прежде ихъ сожительства, слѣдуетъ разъяснить, что у мусульманъ могутъ быть такіе браки, послѣ которыхъ не позволено сожительство между супругами и они остаются чуждыми другъ друга. Подобный случай можетъ быть, если кто нибудь владѣя невольницей и живя съ нею, женится по какому нибудь случаю на ея близкой родственницѣ. Въ такомъ случаѣ, онъ не можетъ уже сообщаться ни съ одной изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока которая нибудь не умретъ или не будетъ ему запрещена подъ видомъ развода. Про такіе-то разводы и упоминается во II и XXXIII—сурѣ корана.

Относительно правъ женъ на наследство мужей, въ коранѣ есть также достаточно указаній. Но прежде чѣмъ говорить объ

этихъ правахъ, надо замѣтить, что суниты дѣлятъ наследниковъ на два разряда: на эхле-ферзь (наследниковъ по назначенію, т. е. получающихъ изъ имущества опредѣленную законную часть) и асебе (наследниковъ по праву, приобретающихъ все остальное, за выдѣломъ частей, имущество). Къ первому разряду принадлежатъ: 1) отецъ, 2), дѣдъ съ отцовской стороны, 3) единоутробный братъ, 4) мужъ (вдовецъ), 5) жена (вдова), 6) дочь, 7) внучка отъ сына, 8) родная сестра, 9) единокровная сестра, 10) единоутробная сестра, 11) мать и 12) бабка съ отцовской стороны. Ко вторымъ принадлежатъ: 1) прямые нисходящіе, 2) восходящіе отъ родителей, 3) нисходящіе отъ отца: братья, племянники и т. д. 4) нисходящіе отъ дѣда и отъ прадѣда. Женщины, при существованіи какихъ либо наследниковъ мужскаго пола, считаются всегда наследницами по назначенію исключая случая, когда остается единственной наследницей одна мать; тогда она переходитъ въ наследницу асебе и получаетъ все имѣніе.

Опуская все, что касается мужчинъ, мы упомянемъ о частяхъ наследства, слѣдующихъ наследникамъ по назначенію женскаго пола. Половина можетъ слѣдовать: роднымъ дочери и сестрѣ, дочери сына и единокровной сестрѣ. Четверть: женѣ и женамъ; имъ же въ другомъ случаѣ можетъ слѣдовать осьмая часть. Двѣ трети, двумъ и болѣе роднымъ дочерямъ, двумъ и болѣе роднымъ сестрамъ, двумъ или болѣе внучкамъ отъ сына, двумъ и болѣе дочерямъ и единокровнымъ сестрамъ. Одна треть матери. Одна шестая—матери, единоутробной сестрѣ, дочери сына, единокровной сестрѣ, бабкѣ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, только одни супруги и родители пользуются собственно указными частями, которыя всегда должны быть выдаваемы, не смотря ни на какое совмѣстное наследованіе другихъ лицъ. Части ихъ исчисляются отъ всего наследства; части же прочихъ наследниковъ по назначенію могутъ быть исчисляемы и изъ оставшагося по выдѣлѣ опредѣленныхъ закономъ частей имущества *).

Я упомянулъ выше, что даже въ коранѣ есть достаточво указаній относительно правъ женъ на наследство мужей, а это до-

*) Мусульманское право, барона Торнау.

казываетъ, что съ самаго начала магометанства, было уже обращено вниманіе на опредѣленіе и огражденіе правъ женщины. Такъ въ 11 сурѣ, 241 стихѣ корана, прямо указывается, чтобы всякій умирающій, оставляя послѣ себя женъ, назначалъ бы имъ опредѣленное наследство для содержанія ихъ въ теченіи года; т. е. на самый долгій срокъ, какой онѣ не могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ вступать въ бракъ. Въ началѣ IV-й суры, также упоминается, что женщины должны имѣть свою долю въ наследствѣ, которое оставили ихъ отцы, матери и ближніе. Будетъ наследство значительно или малой цѣны, имъ всегда слѣдуетъ извѣстная часть. Жены, говорится въ той же главѣ, если не имѣютъ дѣтей, получаютъ четверть того, что осталось послѣ умершаго мужа, по исполненіи отказовъ и уплатѣ его долговъ. Если же есть дѣти, то жены получаютъ, опять за вычетомъ изъ наследства всѣхъ отказовъ и долговъ умершаго—одну осьмую долю *).

Въ отношеніи отказовъ, о которыхъ здѣсь упоминается, существуетъ особая статья, въ предупрежденіе того, чтобы они не были безразсудны и не служили бы въ ущербъ наследникамъ **). Такъ во II сурѣ сказано, что того (душеприказчика), кто, боясь грѣха и несправедливости со стороны завѣщателя, распорядится имуществомъ какъ прилично правамъ наследниковъ, нельзя считать виновнымъ. Этотъ стихъ служитъ дополненіемъ предъидущаго, гдѣ говорится, что грѣхъ переписать завѣщаніе и указываетъ причины, по которымъ оно можетъ быть измѣнено ***).

*) Беременность женщины ставитъ ее въ положеніе наследницы при дѣтяхъ. Въ такомъ случаѣ при раздѣлѣ наследства, будущему ребенку отдѣляется, на всякій случай, часть, какава бы слѣдовала мальчику. Затѣмъ если родится дочь, то половина переходитъ къ прочимъ наследникамъ. Если же ребенокъ родится мертвымъ, то мать получаетъ одну треть изъ отчисленной на него доли. (Мусульманское право, барона Торнау).

**) Хотя для признанія духовнаго завѣщанія требуется вообще, чтобы завѣщатель былъ въ здоровомъ умѣ и имѣлъ бы право распоряжаться своимъ имуществомъ, но нѣкоторые изъ сунитскихъ сектъ, какъ: *Шафииты* и *Малециты*, допускаютъ дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, совершать духовныя завѣщанія. Точно также и лица, впадшія въ тяжкую болѣзнь, лишившую ихъ языка могутъ дѣлать духовныя завѣщанія и они признаются всѣми сектами, кромѣ *Аземитовъ*. (Тамъ-же).

***) Относительно измѣненія духовнаго завѣщанія, мусульмане завѣщатели не стѣснены никакими формальностями и каждый завѣщатель можетъ изустнымъ

Дѣти, если они одни наследники, то будутъ ли они сыновья или дочери, все равно, они дѣлятъ наследство между собой по ровну. Если же остались и сыновья, и дочери, то имѣніе дѣлится по праву предпочтенія, такъ какъ дочери по закону должны получать часть наследства вдвое менѣе сыновей *). Но за то по суннитскимъ законамъ они единственные лица, которыя могутъ пользоваться доходомъ съ вакуфа, который въ этомъ случаѣ называется *вакуфъ-аулодъ*.

Единоутробныя дѣти наследуютъ имѣніе матери, а единокровныя имѣніе отца. Незаконнорожденные же, если они не признаны отцомъ и не могутъ доказать, при жизни его, законности своего происхожденія—наследуютъ имѣніе одной матери.

Если достанется кому нибудь наследство отъ дальняго родственника или родственницы и онъ имѣетъ брата или сестру, то долженъ дать каждому изъ нихъ по одной шестой долѣ. Въ случаѣ же большаго числа сестеръ или братьевъ имъ слѣдуетъ одна треть наследства на всѣхъ, но опять таки по очисткѣ его отъ уплаты отказовъ и долговъ покойнаго.

Мать умершаго, говоритъ коранъ, если онъ оставилъ дѣтей или братьевъ, или сестеръ, получаетъ одну шестую долю наследства, если же дѣтей у него не было и ему наследуютъ одни восходящіе родственники—то одну треть оставленнаго покойнымъ имущества. Въ случаѣ наследованія одной матери съ дочерью, безъ отца, то за выдѣломъ имъ установленныхъ закономъ частей, остальное имущество дѣлится между ними поровну. Мать наследуетъ также опредѣленную часть и отъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей **).

Въ заключеніе упомянемъ о незаконности рожденія дѣтей, которую мусульмане ограничиваютъ слѣдующими случаями: 1) Если

объявленіемъ своей воли при свидѣтеляхъ уничтожить или дополнить распоряженія, сдѣланныя въ письменномъ и засвидѣтельствованномъ казіемъ духовномъ завѣщаніи. Вообще у мусульманъ послѣднее завѣщаніе имѣетъ законную силу или въ смыслѣ дополненія, или же совершеннаго измѣненія прежняго; но такъ какъ духовныя завѣщанія имѣютъ одну только дарственную силу, то они не могутъ заключать въ себѣ распоряженія о лишеніи кого либо правъ слѣдующихъ ему по закону. Точно также въ огражденіе правъ наследниковъ отъ произвола *хедисъ* (преданіе пророка) запрещаетъ отчужденіе по духовному завѣщанію въ вакуфъ болѣе одной трети своего имущества. (Тамъ-же).

*) и **) Мусульманское право барона Торнау.

дѣти рождены отъ связи такихъ лицъ, которымъ по закону запрещенъ между собою бракъ *). Также дѣтей прижитыхъ вслѣдствіе тайной связи съ женщинами безъ совершенія брачныхъ обрядовъ, хотя бы впослѣдствіи и совершилось ихъ бракосочетаніе. Но за то одного признанія родителями, что ребенокъ прижитъ ими, достаточно для установленія законности его рожденія и даетъ ему одинаковыя съ прочими дѣтьми права наследованія. Даже положительно признанные за незаконнорожденныхъ могутъ имѣть право наследованія, если прочіе наследники согласны на предоставленіе имъ права ходатайствовать по наследству.

Ограничивъ этими случаями незаконность рожденія, мусульмане всѣхъ другихъ дѣтей, какъ-то: прижитыхъ отъ невольницъ и даже вслѣдствіе ошибочнаго, но неумышленнаго, принятія чужой жены или невольницы за свою собственную,—считаютъ законнорожденными. Что же касается до законности родовъ, то всѣ мусульманскіе законовѣды принимаютъ, какъ ближайшій срокъ для беременной женщины—это шестимѣсячный. Если ребенокъ родится ранѣе, то его могутъ признать незаконнорожденнымъ.

Выше я упомянулъ, что даже признанные положительно незаконнорожденными могутъ имѣть право на наследство. Мусульманскіе законы ограждаютъ право дѣтей даже въ томъ случаѣ, когда они находятся подъ дѣйствіемъ ле'она (проклятія надъ женою или дочерью по обвиненію ея въ развратной жизни и въ прижитіи ею дѣтей не отъ мужа). Такія дѣти хотя и отбираются у отца, но въ извѣстномъ случаѣ не лишаются права наследовать послѣ него, напр. если происшедшій ле'онъ раскается и признаетъ дѣтей законными, но за то онъ, разъ произнесши проклятіе, ни въ какомъ случаѣ не наследуетъ ни женѣ ни дѣтямъ, находящимся подъ его проклятіемъ. Вообще незаконнорожденные дѣти хотя сами и не наследуютъ, но за то уменьшаютъ часть слѣдующую по закону супругамъ **).

*) Бракъ у мусульманъ запрещается: съ матерями, дочерью, сестрами, тетками съ отцовской и материнской стороны, племянницами, кормилицами (такъ какъ Магометъ улодобляетъ кормленіе грудью—родству), молочными сестрами, тещами, дѣвками происшедшими отъ женъ, съ которыми жилъ желающій сочетаться бракомъ, съ дочерью своихъ сыновей и на двухъ сестрахъ.

**) Мусульманское право барона Торнау.

ГЛАВА VII.

Обряды сартовъ при рожденіи, сватовствѣ, вѣчаніи, погребеніи и поминованіи усопшихъ.

Въ заключеніе очерковъ приведу обряды, соблюдаемые сартами при рожденіи младенца, вѣчаніи и похоронахъ *).

Послѣ рожденія младенца, отецъ новорожденного читаетъ молитву и даетъ ему имя. Какъ только подобная вѣсть разнесется по околотку, сосѣди приходятъ съ поздравленіями и для нихъ готовится угощеніе. Когда мальчику минетъ 8 или 9 лѣтъ, надъ нимъ совершаютъ обрядъ обрѣзанія, причемъ для родныхъ и знакомыхъ устраиваютъ праздникъ (*той*), продолжающійся три дня. Каждая гостя приноситъ на такой праздникъ по блюду какого нибудь кушанья, которыми хозяинъ и угощаетъ ихъ. При уходѣ же домой, гости получаютъ такія же кушанья и въ томъ же количествѣ, въ какомъ они были ими принесены. Мужчины, приглашенные на этотъ праздникъ, дарятъ не кушанья, а что нибудь болѣе существенное, какъ напр. барана, лошадь и т. п. Отдари-ваетъ же ихъ хозяинъ тогда, когда у нихъ случится подобный же праздникъ. По прошествіи трехъ дней совершаютъ обрѣзаніе, въ продолженіи котораго мулла читаетъ молитву, а цирюльникъ бритвою отрѣзаетъ край плоти и потомъ съ молитвою зарываетъ его на дворѣ. На рану прикладываютъ жженый хлопокъ, послѣ чего мулла снова читаетъ молитву и затѣмъ послѣ угощенія всѣ расходятся по домамъ.

Сватовство у сартовъ происходитъ обыкновенно съ помощію свахъ, которыя, въ случаѣ согласія родителей выдать замужъ, и уговариваются въ количествѣ и родѣ *калыма*, который долженъ

*) Турк. Вѣд. 1873 г. М и Мусульманское право, барона Торнау.

быть уплаченъ женихомъ за невѣсту *). Кромѣ денегъ въ *калымъ* входятъ также и различныя принадлежности туалета, необходимыя невѣстѣ, какъ напр. халаты, бишметы, масы, серьги, кольца, платки и проч. а также бараны, рисъ, морковь, виноградъ и проч. необходимое для угощенія на свадьбѣ. О приданомъ, которое принесетъ невѣста въ домъ своего будущаго мужа, не уговариваются, и женихъ узнаетъ объ этомъ уже послѣ брака.

Хотя по обычаю женихъ и не долженъ видѣть до брака свою невѣсту, но сарты часто подкупаютъ какую нибудь знакомую женщину, которая, спрятавъ у себя жениха, приглашаетъ къ себѣ невѣсту и даетъ такимъ образомъ жениху возможность видѣть свою суженую. Самый вѣнчальный обрядъ (*ника*) происходитъ у мусульманъ слѣдующимъ образомъ **). Когда *калымъ* выплаченъ и назначенъ день свадьбы, то уговариваются о неустойкѣ (*хамъ-маръ*), которую женившійся долженъ выплатить своей женѣ, въ случаѣ развода съ нею. Количество этой неустойки опредѣляетъ мать и родственницы невѣсты, вмѣстѣ съ приглашенными въ свидѣтели свадебнаго обряда ***). Послѣ этого мулла читаетъ молитву

*) *Калымъ* основанъ для того, чтобы ничего невѣнчавшій не могъ жениться и тѣмъ расползаться нищихъ. Въ главѣ IV—3 корана упоминается, чтобы мусульмане не женились бы болѣе какъ на трехъ—четырехъ женахъ изъ боязни быть несправедливыми къ сиротамъ, т. е. жениться надо съ такимъ расчетомъ, чтобы было чѣмъ содержать женъ, такъ какъ каждая жена можетъ требовать отдѣльнаго помѣщенія и прислуги, и было бы что оставить послѣ себя своимъ дѣтямъ. Если же, говорится далѣе, и при этомъ вы боитесь за своихъ сиротъ, то женитесь только на одной или на невольницѣ; т. е. поступайте такъ, чтобы у васъ было менѣе расходовъ и дѣти не остались бы нищими. Отсюда и произошло то, что передъ женитьбой казій опредѣлялъ, будетъ ли въ состояніи мужъ содержать свою жену и, провѣривши эти свѣдѣнія, давалъ уже разрѣшеніе.

Калымъ обращается въ пользу и собственность жены, такъ что по мусульманскимъ законамъ женихъ дѣлаетъ приданое своей невѣстѣ, не зная, дадутъ ли за ней что нибудь и что именно; а для этого нужны средства (Мусульм. право, барона Торнау).

***) Бракъ у суннитовъ бываетъ двухъ родовъ: *никотъ-доимъ* (постоянный) и *никотъ-имо* (бракъ съ невольницею). Первый изъ нихъ можетъ быть только съ четырьмя женами, второй же существуетъ для лицъ, какъ было сказано мною выше, не имѣющимъ достаточно состоянія для содержанія женъ свободнаго происхожденія.

****) Лица, желающія сочетаться бракомъ, совершаютъ предварительно два намаза съ произнесеніемъ особой молитвы.

и спрашиваетъ чрезъ дверь невѣсту желаетъ ли она выдти замужъ за такого-то. Получивъ ея согласіе, онъ съ тѣмъ же вопросомъ обращается къ жениху и послѣ удовлетворительнаго отвѣта даетъ ему чашку съ водой; отпивъ изъ нея, женихъ возвращаетъ чашку муллѣ и тотъ посылаетъ ее невѣстѣ. Затѣмъ оставшаяся въ чашкѣ вода распивается присутствующими. По окончаніи обряда, женщины уводятъ молодого въ спальню, гдѣ находится постель, постланная бѣлой простыней. Туда же приводятъ и молодую, послѣ чего женщины, посидѣвъ, полакомившись и получивъ подарки, уходятъ съ пожеланіями изъ комнаты.

Первые три дня молодой живетъ у жены, которая находится еще у своихъ родителей и при возвращеніи къ ней откуда нибудь избѣгаетъ встрѣчъ съ прохожими. Черезъ нѣкоторое же время молодая переѣзжаетъ въ домъ мужа *) и для нея начинается будничная, замкнутая жизнь **).

Похороны сартовъ также не отличаются особой торжественностью. Какъ только въ домѣ кто нибудь умеръ, тотчасъ же находящіяся тамъ женщины собираются гдѣ нибудь въ углу и начинаютъ голосить и царапать себѣ лицо. Навѣстившія ихъ сосѣдки также присоединяются къ нимъ и стонъ стоитъ надъ домомъ покойнаго. Извѣщенные объ умершемъ родственники и знакомые навѣщаютъ его въ продолженіи перваго дня смерти. На другой день завернутое въ холстъ тѣло везутъ въ мечеть, откуда, послѣ прочтенія надъ нимъ корана, хоронятъ на кладбищѣ или гдѣ завѣщалъ похоронить себя умершій. Закрывавшій же тѣло покровъ дѣлятъ между собою родные и знакомые.

Похоронивъ, провожавшіе собираются въ домъ покойнаго, гдѣ слушаютъ чтеніе корана. На другой день повторяется чтеніе корана въ домѣ покойнаго и слушается тѣми же лицами. На третій день, послѣ утренняго намаза, прямо изъ мечети идутъ на по-

*) Туркестан. Вѣд. 1873 г. № 26.

***) У мусульманъ можно встрѣтить до того молодыхъ супруговъ, что съ трудомъ вѣрится въ ихъ супружество. Какъ образецъ раннихъ браковъ приведу слѣдующій примѣръ: въ Ташкентѣ живетъ сартъ Юсуфъ 15-ти лѣтъ, онъ уже женатъ на двухъ женахъ—дѣвочкахъ 12 и 10 лѣтъ.

минки; опять слушаютъ коранъ и поѣвши расходятся. Поминки повторяются черезъ 7 и 10 дней. Кроме того въ годовые праздники, женщины собираются на кладбищахъ и воплями поминаютъ своихъ покойниковъ, причемъ раздается милостыня собирающимся на эти поминки нищимъ и юродивымъ *).

II. Маевъ.

*) По ученію корана, слѣдуетъ помогать не столько явнымъ, просящимъ милостыню нищимъ, сколько дѣйствительно нуждающимся, которыхъ не всегда можно отличить отъ достаточныхъ, такъ какъ они ведутъ скромную, трудовую жизнь и не обращаются къ встрѣчнымъ съ просьбою о пособіи. Въ главѣ II—274 с. корана именно говорится про такихъ бѣдныхъ: „Есть между вами бѣдные“, говорится въ томъ мѣстѣ, „которые заняты единственно борьбою на пути правомъ; они не имѣютъ средства обогащаться торговлей; тотъ кто не знаетъ этого считаетъ ихъ богатыми, но причинѣ воздержнаго ихъ поведенія; ты узнаешь ихъ по примѣтамъ: они не надобдаютъ людямъ своими просьбами. Все, что вы дадите этимъ людямъ,—Богъ унаестъ“. „Воздавай ближнему, что ему слѣдуетъ также бѣдному и путешественнику и не будь расточителемъ (гл. XVII—22). Тамъ же въ главѣ IV—42, сказано; „Онъ (Богъ) не любитъ тѣхъ, которые творятъ милостыню на показъ“.